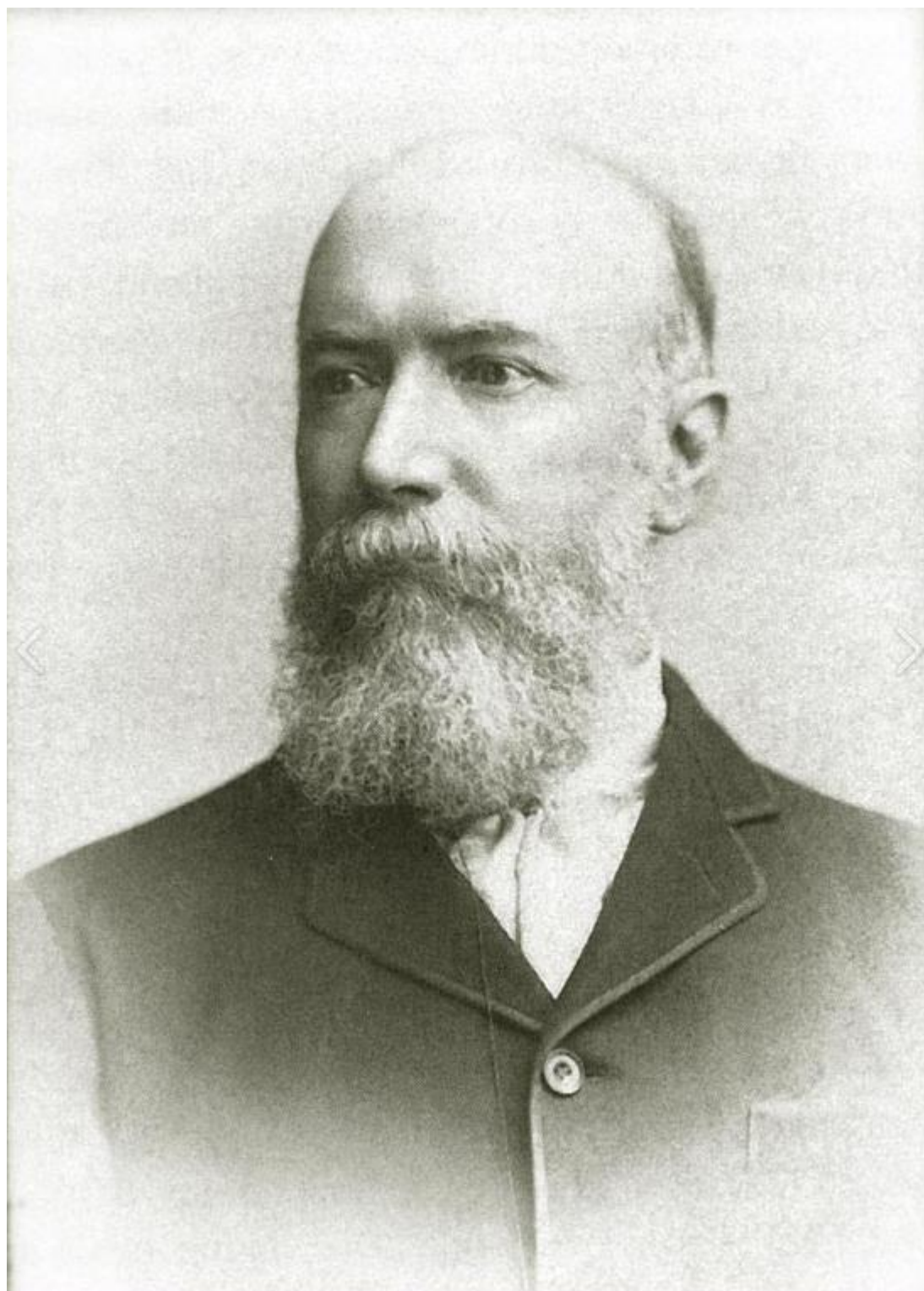

Синнетт, Альфред Перси

англ. Alfred Percy Sinnett

АВТОБИОГРАФИЯ

*Перевод на русский: Зайцев К.А.
(В незначительном сокращении.)*

Я решил подготовить запись опыта, через который мне пришлось пройти в этой жизни, для публикации когда-нибудь в будущем. Сейчас физическая фаза моего существования подошла к концу, и это будет опубликовано, если попечители, которым я оставляю рукопись, решат так с нею поступить. Как сборник воспоминаний с бытовой точки зрения эти записи не будут иметь ценности. Рассказ об этом моём воплощении не был бы интересен никому, кроме немногих близких друзей, если бы касался только малозначительных мирских событий, но оно так глубоко переплетено с началом великого теософического движения, и это обстоятельство может вызвать у будущих теософов интерес к личности, связанной на ранних этапах с его великолепным развитием.

Моя книга «Оккультный мир», описывающая обстоятельства, при которых я вошёл в соприкосновение с великим Учителем, адептом, от которого я впоследствии получил учение, позволившее мне написать следующую книгу — «Эзотерический буддизм» — вероятно, знакома всякому, кому доведётся читать следующие страницы. Так или иначе, в ходе моего нынешнего повествования не стоит повторять этот рассказ. Когда я подойду к описываемому в нём периоду, мне придётся опять на него сослаться, но сначала позвольте мне заняться более ранними годами моего нынешнего воплощения.

Тем не менее, многие болезненные опыты тех ранних лет обретут для изучающего оккультизм более ясное значение, если ту историю, которую я собираюсь рассказать, предварить некоторым рассказом о предыдущих воплощениях, через которые я прошёл. Я не заявляю, что помню их, но, как известно всем изучающим оккультизм, людям, обладающим достаточными психическими способностями, возможно вспомнить не только свои прошлые жизни, но и идентифицировать в прошлом тех, кого они знают по нынешней жизни, и так проследить не только свой эволюционный путь, но и их. В общих чертах факты, касающиеся трёх моих жизней, предшествовавших этой, были сообщены мне давно великим Учителем, от которого, при

обстоятельствах, подробно описанных в «Оккультном мире», я получил учение, изложенное мною в той и других подобных книгах. После этого они наблюдались и продвинувшимися учениками-оккультистами, имевшими достаточную для этого квалификацию, и были во многих отношениях расширены. Располагая этой помощью, я получил много отрывочной информации, касающейся жизни, задолго предшествовавших тем, карма которых хорошо заметна в моей нынешней жизни, но для моей нынешней цели необходимо коснуться только двух, предшествующих той, в ходе которой я это пишу.

* * *

Перечитывая эту запись в 1914 г., я нахожу желательным добавить, что с тех пор как я это писал, я узнал, что у меня было ещё одно воплощение после двух вышеупомянутых — это было в Елизаветинскую эпоху, когда я был известен как сэр Джон Спенсер, богатый купец, удостоившийся близкой дружбы с Фрэнсисом Бэконом. Кое-какие факты касающиеся жизни Спенсера приведены в «Национальном биографическом словаре» (Dictionary of National Biography), но она была не очень тесно связана с моим продвижением по пути оккультизма или откатыванием назад, так что Учитель К.Х. её не коснулся, когда рассказывал мне о моих древнеримской и древнеегипетской жизнях.

* * *

Около 4000 лет назад я жил в Египте (в основном в Мемфисе) и служил в должности, которую я наверно должен назвать жрецом (хотя это выражение не кажется мне привлекательным) при одном из храмов. Хотя тогда на широкую публику не изливался такой поток знаний, как в наше время, существование того знания, которое мы теперь называем высшим оккультизмом, было общепризнанно. И в той жизни, о которой я сейчас рассказываю, я уже осознал важность стремления подняться по Пути, если использовать современное выражение, и даже получил важные оккультные посвящения, предполагающие обет преданности дальнейшему духовному прогрессу. Но этот прогресс был прерван могучей эмоцией другого рода. Меня снесла с Пути захлестнувшая меня сила великой любви. Теперь я знаю, что женщина, ставшая объектом той любви, была

связана со мною разнообразными путями на протяжении многих жизней. И ради неё в той египетской жизни я нарушил принятые обеты. Поскольку мне придётся ещё говорить о ней, чтобы эта история имела хоть какую-то ценность для читателя, позвольте мне назвать её условным именем, пусть это имя будет Вера.

Я не помню, достиг ли я в той египетской жизни хотя бы временного счастья, соразмерного той жертве, которую я сделал в погоне за ним, но кармические последствия были необычными. Насколько я понимаю ход событий, за мной в тот момент не числилось плохой кармы, достойной упоминания. А как известно изучающим оккультизм, закон кармы даёт нам то, чего мы желаем, если мы не ставим на пути препятствий неверными действиями, несовместимыми с осуществлением наших желаний. В той египетской жизни я ясно показал, что моим высшим желанием было личное счастье, т.е. я желал наслаждаться любовью Веры. Нарушенный мной обет имел отношение к моему духовному прогрессу, и карма этого поступка не действовала в отношении мирских обстоятельств. С тех пор она проявлялась, и достаточно разнообразно, но не стояла на пути моего главного желания. Так что в своей следующей жизни (опять я вынужден вставить примечание — с тех пор я узнал, что до римского периода у меня были и другие египетские жизни, хотя общий ход моего рассказа и не потребует больших поправок) я воплотился в Риме в I веке просто баловнем судьбы — среди этих благ было и богатство, и высокое положение, — и с Верой, тогда тоже воплотившейся, в качестве моей жены.

В мою задачу сейчас не входит углубляться в подробности той жизни, даже в той ограниченной степени, в какой позволяет это сделать моя осведомлённость. Достаточно сказать, что все обстоятельства способствовали моей свободе следовать каждому эгоистическому побуждению, и я создал то, что называют плохой кармой, в примечательном изобилии. Я не имею в виду, что я стал жертвой излишеств, составивших той эпохе дурную славу, но очевидно, моим главным занятием была погоня за мирскими удовольствиями — что, помимо многих других последствий, которые я могу лишь смутно соотнести с прошлым, глядя на опыт нынешней жизни, привело к явной измене жене. Я понимаю, что искренне её

любил, но другие привязанности, созданные мною, оскорбляли её и причиняли ей боль.

И именно характер той римской жизни (если можно считать мою елизаветинскую жизнь интерлюдией, относящейся к совсем другому потоку кармы) послужил причиной того, что неумолимым законом я был брошен в многочисленные неприятности той жизни, которая теперь близится к завершению. Друзья, которые думают обо мне просто как о привилегированном человеке, которому посчастливилось выдавать миру оккультное учение, не имеют понятия о тех мрачных тяготах, через которые я прошёл в ранний период своей жизни.

Мне дали понять, что мой дед был процветающим врачом, который по моде той эпохи проиграл своё состояние. Его сыновьям пришлось выплывать или тонуть самим, оставленными на произвол судьбы. Мой отец выплыл на журналистике и литературе. В 1825 г. он женился на моей матери Джейн Фрай, о жизни которой я знаю очень мало. Он умер в 1844 г. в возрасте около 45 лет, оставив мою мать и её семью без средств к существованию. Я родился 18 января 1840 г.; точной записи времени рождения у меня нет. Я только знаю, что это было поздно вечером. Моя жена, изучавшая астрологию, уточнила время как 22:30 или 22:45.

Нас было несколько детей. Старшая, Джулия, была многообещающей девочкой, поэтически одарённой, но умерла совсем молодой вскоре после смерти отца. Следующая, София, дожила до преклонного возраста, но провела многие годы прикованной к постели. У неё был заметный художественный талант, но она страдала от плохого здоровья и бросила живопись, не успев добиться признания. Мой брат Фредерик заболел лёгочной болезнью ещё в молодости, уехал в Австралию, добился там успеха как журналист и умер примерно в 1886 или 1887 г. Следующий ребёнок, моя сестра Эллен (ещё живущая, когда я это пишу) в юности зарабатывала гувернанткой, но удачно вышла замуж за Эдварда, сына известного филантропа-просветителя Уильяма Эллиса. У неё есть дочь и несколько сыновей, и у всех дела идут неплохо. Они сменили свою фамилию на де Везэн, как они по праву должны называться, потому что такой была первоначально фамилия их семьи во Франции.

Как известно изучающим оккультизм, мы не приходим в воплощение по одиночке, вне связи с теми, с кем уже были связаны в

прошлых жизнях. И хотя позднейшие исследования позволили мне выявить среди своих современников достаточное количество друзей и родственников по прошлым жизням, нынешняя родственная связь не обязательно коренится в прошлом. Насколько я мог пока что убедиться, у меня не было кармических уз, привязывающих меня к семье, в которой я родился в этой жизни. Моя карма, я полагаю, предполагала болезненное воплощение и необходимость страданий, что моё окружение и обеспечивало.

Литературные таланты и неутомимое трудолюбие моей матери обеспечивало нам — только-только — крышу и хлеб в течение моего детства. Мои старшие сёстры с самого раннего возраста, как только было возможно, стали поддерживать семью своими заработками в качестве гувернанток, но я помню постоянную озабоченность насчёт денег, от которой страдала моя мать. Меня отправляли в дешёвые школы по соседству там, где мы жили — в Кэмдене и Кентиш Тауне, и как я смутно помню, учёба там была очень неприятной — отчасти по причине моего робкого характера (который, полагаю, был результатом женского воспитания), что сделало меня жертвой школьных задир. Затем пришло время, когда я был послан в Лондонскую Университетскую Школу на Гауэр стрит, и для меня получили разрешение обучаться там, не платя обычных взносов. Оно было получено благодаря вмешательству моей тёти, мисс Сары Фрай, которая была гувернанткой и давала уроки в семье м-ра Ки, завуча этой школы.

Эта договорённость оказалась не очень успешной и много лет не продлилась. Я достаточно неплохо успевал по элементарной математике и французскому, но был не в состоянии достичь успехов в латыни и у меня постоянно были связанные с этим неприятности.

Моя внешкольная жизнь в тот период стала несколько светлее благодаря доброте сестёр Джона Стюарта Милла. Моя мать была знакома с их семьёй, и мы часто ходили к ним в гости на Кенсингтон Сквэр. Так что я помню мать Милла, что сейчас кажется глубокой стариной. Помню, что когда мне было 12 лет, с одной из мисс Милл мы отправились посмотреть похороны герцога Веллингтона из сада Малборо Хауса — в то время он был не королевской резиденцией, а просто общественным зданием, используемым для разных контор.

Мой краткий школьный курс закончился следующим образом. У меня возникла глубокая неприязнь к учителю латыни, и одним утром я имел глупость написать мелом на доске в кабинете математики оскорбления в его адрес. Меня выявили, так как всех мальчиков опросили, и я, рад теперь признаться, не стал врать. Меня вызвали к завучу и заставили выучить 500 строк на латыни, причём я должен был находиться взаперти, пока это не будет сделано. Дисциплина в этой школе осуществлялась без всяких телесных наказаний.

После того, как я несколько дней находился взаперти в школе с утра до самого вечера, нисколько не продвинувшись в данной мне задаче, мать забрала меня из школы совсем и дала мне работу, подходящую моим вкусам — черчение. В то время все мои склонности были направлены к инженерной деятельности, но у меня не было денег, чтобы законно заняться этой профессией. Моим единственным шансом было начать в качестве чертёжника. Скоро я приобрёл неплохие навыки в этом деле и с помощью сестёр Милл был взят в качестве бесплатного подмастерья в чертёжную контору одного из патентных агентств в Линколнс Инн Филдс. Со мной не очень великодушно поступили, так как я выполнял ту же самую работу, что и старшие, получавшие полную плату чертёжники, так что этот период я тоже вспоминаю, как очень несчастливый. Главному чертёжнику я не нравился, так как он поначалу видел во мне мальчика на посылках. Я протестовал против такого подхода, и старший партнёр фирмы принял мою сторону, но эта неприятная напряжённость не была большим облегчением, хотя в конце концов я был удостоен щедрого жалования в 10 шиллингов в неделю.

Позже, уже как вполне компетентный чертёжник, я получил нормально оплачиваемую работу в других фирмах и наконец был в состоянии зарабатывать себе на жизнь и облегчить нагрузку на скудные заработки матери.

Раз уж я обратился к периоду своего детства, тут, пожалуй, будет уместно попытаться дать читателю более ясное представление о примечательной личности моей матери. Если бы ей больше повезло, я уверен, что она добилась бы известности в литературе. Единственная важная книга, которую она смогла написать, будучи вдовой, «Обходные пути истории» (Byways of History), привлекла внимание, но необходимость зарабатывать на хлеб для детей не дала ей продолжить

создавать оригинальные труды и всё мое бедное детство она зарабатывала переводами и писала для журналов, если могла получить от них хоть несколько фунтов. Должно быть, когда она писала свою книгу, у неё ещё оставалась деньги от моего отца, т.к. она ездила в Германию, взяв меня, ещё маленького, с собой, и останавливалась на некоторое время во Франкфурте, собирая материал. Конечно, мои воспоминания об этом периоде самые смутные. Чёткие воспоминания начинаются с более позднего периода, когда мы жили в маленьком домике в Кентиш Тауне.

В моём распоряжении ещё остались некоторые старые дневники, которые моя мать вела в тот период. Это лишь фрагменты, не дающие связной истории её жизни. Я не всегда могу выяснить, где они написаны, они касаются больше состояния чувств, нежели событий, так что это очень грустное чтение, ибо жизнь моей матери в то время была омрачена разнообразными бедами и печалью.

<...>^[1]

К 19 годам у меня появилась склонность писать. Я составил некоторое мнение о несовершенстве патентных законов и написал на эту тему памфлет, опубликованный мистером Риджвэем, который, я думаю, знал моего отца. Он обладал влиянием в вечерней газете «Глоб», и устроил меня там на должность ассистента редактора.

Это означало значительное улучшение моего положения. Я получал жалование в 3 фунта в неделю и вскоре подружился со своим непосредственным начальником, Хербертом Стэком. Это была во всех отношениях очень важная поворотная точка в моей карьере. Я всё ещё жил с матерью в разных съёмных квартирах, но познакомился со многими друзьями м-ра Стэка, и моя дружба с ним переросла в очень сильную привязанность. Дж. С. о 'Дауд тоже работал в «Глобе», и мы с м-ром Стэком иногда проводили воскресенья на реке в Кингстоне. Это был для меня очень приятный опыт. Тогда началось волонтерское движение, и трое из нас — Стэк, я, и Джордж Хупер, тоже работавший в «Глобе», присоединились к отряду Южного Мидллсекса под командованием лорда Рэнело. После тренировок мы иногда ужинали у Хуперов (в Бедфорд Гарднз, Кенсингтон), и в один из этих вечеров я встретил там Веру!

Она была немкой по рождению, у неё было великолепное контральто, и она приехала в Англию, собираясь сделать карьеру

концертной певицы. Я познакомился с ней. Случилось так, что из-за безразличия редактора «Глоба» Уилсона к подобным вещам билеты в театр и оперу имелись у нас в избытке, и я имел достаточно свободный доступ к ним. Таким образом, у меня была возможность часто ходить с Верой в оперу, которая была тогда в расцвете: Гризи и Марко пели в Ковент-Гардене, а Титъен и Гуильини — у Её Величества. Конечно, я влюбился в Веру почти сразу и иногда навещал её вечером. В один из этих вечеров я ей признался, и моё предложение было принято.

В то время она жила в очень приятной квартире вблизи церкви св. Джона Вуда. Я думаю, что я ей действительно очень понравился, но она не сразу осознала безнадёжность моих перспектив. Несколько месяцев нашей помолвки прошли в безумном счастье, и я закрывал глаза на будущее. Моя мать, конечно же, этой помолвки не одобрила.

Отец Веры был пастором в Гамбурге. Во время нашей помолвки он нанес визит в Англию и конечно совершенно не одобрил её, но Вера была независимой во всех отношениях и создала у меня впечатление, что будет верна мне, но оглядываясь на мелкие признаки, которым я в то время не придавал должного значения, я чувствую, что у неё созревало убеждение, что эта связь должна быть разорвана.

Трудно преувеличить интенсивность моей любви к ней. Случилось так, что и ей пришлось в свою очередь посетить отца. Я провожал её до самого Кале и расстался с ней в поезде только на следующее утро.

Я вернулся в Лондон, живя в надежде на письма от неё, но так ни одного и не получил. Шли недели, и едва ли можно преувеличить агонию моих страданий от неопределённости. Наконец, в отчаянии я телеграфировал её отцу, спрашивая новостей о ней, и получил от него письмо (на немецком, так что не мог толком его прочитать), где он сообщал, что она оставила все мысли о продолжении помолвки. К тому времени у меня было близкое знакомство с очень примечательным человеком немецкого происхождения, Отто фон Венкштерном. К нему я и отправился с этим письмом, и он полностью перевёл мне его. Его мудрое сочувствие не было высказано в какой-либо банальной форме. Напротив, он сказал: «это окрасит всю твою жизнь». Так оно и вышло.

Вскоре Херберт Стэк почему-то впал в немилость у владельцев «Глоба». Я не помню подробностей, но мне думается, что он стал пренебрегать работой из-за любовных отношений с замужней

женщиной, которые в то время поглощали всё его внимание. Так или иначе, его уволили, и на время я стал заместителем редактора. Но мне как-то не удалось удовлетворить работодателей. Возможно, скорбное состояние моего ума снизило мою эффективность, и через некоторое время мне тоже сказали, что в моих услугах больше не нуждаются.

Помимо работы в «Глобе» и после неё я писал передовицы для «Морнинг кроникл», но дела газеты стали идти плохо, и она перестала выходить.

Тем временем Херберт Стэк получил должность редактора в «Бирмингем дэйли газетт». Я встретил его там, и на время он дал мне работу в этой газете. Я уже не помню обстоятельств, из-за которых она прекратилась, но я отправился в Манчестер, чтобы на время занять должность ведущего журналиста в «Манчестер гардиэн». После этого, в 1864 г., я вернулся в Лондон.

Некоторое время я очень нуждался. В сентябре 1864 я отправился в Швецию в качестве специального корреспондента «Дэйли ньюс», и по дороге туда встретил майора Мэсси, спецкора «Стэндард» и главу большого семейства, с которым позже, по возвращении, у меня завязалась близкое и приятное знакомство.

Я оставался без регулярной занятости и стабильных доходов и после своего возвращения из Швеции на протяжении большей части последовавшего года, и внешняя мрачность моих обстоятельств усиливала моё внутреннее бедственное состояние, потому что прошло несколько лет, прежде чем тоска по моей потерянной любви хоть немного ослабла.

В июне 1865 г. я отправился в качестве корреспондента «Дэйли телеграф» в Валенсию, на западный берег Ирландии, на борту «Грэйт истерн», который тогда отправлялся в свою первую экспедицию по прокладке кабеля через Атлантический океан. На судне собралась интересная научная компания, в которой был и профессор Томсон, как звали его тогда (впоследствии ставший лордом Кельвином). Я мог остаться постоянным спецкором «Дэйли телеграф», но мне предложили стать редактором «Гонконг дэйли пресс», и перспектива радикальных перемен, предполагавшая переезд в Китай, склонила меня принять это предложение, ибо я надеялся, что полная перемена обстановки позволит мне отвлечься от своих страданий. В октябре 1865 г. я отплыл в Гонконг на пароходе компании «P & O» из

Саутгемптона. По дороге мне удалось увидеть египетские пирамиды, так как в те времена пассажиры, прибывшие из Англии, ожидали несколько дней в Каире парохода, отплывающего из Суэца.

Это гонконгское назначение стало поворотным пунктом в моей мирской карьере. За три года жизни в этой колонии я накопил 7 или 8 тысяч фунтов и в 1868 г. вернулся домой через Японию и Америку, которую пришлось пересечь на повозке, так как железная дорога в своём продвижении на запад тогда достигла только Миссури.

О трёх годах в Гонконге мне нечего особо сказать. Тамошнее [колониальное] сообщество представляло собой торгашескую плутократию. Время, не занятое работой (в которой я достиг значительных успехов) я проводил в игре в карты, которая была главным развлечением среды, в которую я попал. Но когда бы я ни увлекался азартными играми, что бывало в разные периоды моей жизни, я ни разу не терял самоконтроля, когда мне не везло. Я проигрывал и выигрывал, и теперь даже не могу сказать, в какую же сторону склонился мой общий счёт.

Когда я пересекал Американский континент, моими спутниками были некий доктор Бурн и молодой человек по имени Эбди, но с тех пор я полностью потерял их из виду. По дороге я остановился примерно на десять дней в поселении мормонов Солт-Лэйк-Сити, находившемся тогда полностью в их руках, и подружился с некоторыми из них, а также имел возможность поговорить с Брайэмом Янгом.

Впечатление, сложившееся у меня о мормонах, сильно отличалось от мнений, преобладавших тогда в Соединённых Штатах. Люди — а тогда на всей территории штата Юта жило около ста тысяч человек — были дисциплинированы, вели себя хорошо и были в необычайной степени трудолюбивы. В самом городе Солт-Лэйк-Сити не было каких-либо пороков и преступлений, и девушки могли поздно вечером возвращаться из гостей и прочих развлечений без малейшего риска, что на улице к ним станут приставать. Во всём городе не было питейного салуна, а что до многожёнства, о котором так много говорят, то оно играло очень малую роль в общественной жизни. Только старейшины церкви, строго державшиеся своего учения, имели больше одной жены, а клеветническая теория, распространённая в

США и Европе, что всё дело в распущенности и потакании страстям, самым нелепым образом не согласуется с фактами.

Наконец через Ниагару мы достигли Нью-Йорка, и я почти сразу же отправился в Лондон.

Первым из старых друзей, с которыми я повидался, был Хенри Стэк, брат моего большого друга Херберта Стэка, и он рассказал мне о семье, с которой они недавно познакомились — об Эденсорах. Они были очарованы ими. Меня собирались представить им при первой же возможности. В том факте, что я услышал о них, как только вернулся из-за границы, есть особое значение. У меня, особенно во время возвращения домой, было ощущение, что продолжать оплакивать мою потерянную любовь было бы чем-то вроде сумасшествия. Я решил отрезать себя от этого ужасного эпизода, собрав все имевшиеся у меня письма Веры и её портрет, и выбросив их за борт посреди Тихого океана. Я решил, что единственное, что мне оставалось — это жениться, и таинственные силы, управляющие нашими жизнями, не стали терять времени, чтобы навести меня на верный путь, ведущий к этому результату.

Меня сразу же приятно поразила младшая из сестёр Эденсор, Пэйшенс, на которой я в конце концов и женился. Теперь, когда более чем через сорок лет я это пишу, я могу сказать, что этот союз стал осуществлением давних кармических уз, о которых в то время я не мог даже подозревать. Высший авторитет заверил меня, что, если бы моё раннее желание было удовлетворено, мой контакт с оккультным миром был бы отложен на много жизней. А мой брак с Пэтти, — как я всегда её называл, — привёл к возвышенным, с оккультной точки зрения, последствиям, но о них я напишу позже.

Трудно будет описать ранние годы нашей супружеской жизни, точно отразив весь ход событий, будучи теперь под впечатлением восхитивших меня возвышенных черт характера моей жены, которая, уже покинув эту жизнь, обрела такие духовные достижения, великолепие которых нельзя вполне постичь физическим мозгом. Но эти ранние годы были не лишены тёмных сторон, как бывает всегда, когда сильная физическая страсть со стороны мужчины не встречает адекватного отклика. Но мне не следует сгущать краски — наша дружба была во многих отношениях приятной ещё и до того, как стала облагорожена духовным прогрессом.

До своей женитьбы я делил жилище с Хенри Стэком во многих местах вблизи Лондона и скоро завязал отношения с газетой «Стэндард», которую тогда редактировал капитан Хэмбер. Я посылал туда подробные описания, касающихся моего путешествия домой, и ещё до приезда обеспечил себе место ведущего автора. Затем я получил постоянное место в этой газете, и многие годы писал все передовые заметки в «Ивнинг стэндард». Эта работа давала разумное оправдание моему браку, который состоялся 6 апреля 1870 г. в церкви св. Иоанна, в Ноттинг Хилле. На медовый месяц мы отправились через Фолкстон в Париж.

Моя жена вскоре начала вести дневник; это была запись событий, которую мог читать кто угодно, а не личный дневник мыслей и чувств. Она вела его всю нашу совместную жизнь, так что теперь он составляет 31 том рукописей, сверяясь с которыми я теперь могу быть точным в датах и порядке развития событий в такой степени, в какой не мог бы, если бы мне пришлось полагаться лишь на свою память.

Ещё до свадьбы мы сняли небольшой домик на Лэдброк Гров, 15, где мы поселились после нашего возвращения из Парижа.

Моя мать умерла 13 ноября 1870 г. Её невесёлая жизнь получила подавляющее завершение, ибо её разбил паралич, ослабивший не только её тело, но и некогда блестящий интеллект.

Джоун, старшая сестра моей жены, к тому времени вышла замуж за Клемента Редферна, и наш свадебный завтрак состоялся в доме на Трагантер роуд, где жили они. Позже они переехали ближе к нам на Бэйуотер роуд. Мы часто проводили вечера там, в нашем доме или у Херберта Стэка на Холлэнд Виллас роуд, встречаясь вместе для игры в карты, что мы тогда чрезвычайно любили. Нашей любимой игрой был покер, который я привёз из Китая, так что год или два мы провели приятно, хотя и довольно бесцельно.

В августе 1871 г., взяв месячный отпуск, мы с Пэтти отправились в заграничное путешествие — сначала в Спа, в Бельгию (будучи привлечены тамошними азартными играми). Мы оба разделяли вкус к игре, но ни в коей мере не теряли голову. Иногда мы немного проигрывали, а иногда немного выигрывали. Из Спа мы отправились через Кёльн по Рейну в Швейцарию, Интерлакен, Муррен, Люцерн, а оттуда, через Остенд, домой. Это было очень приятное путешествие.

Долгое время я был под впечатлением того убеждения, что единственный способ преуспеть в журналистике — это получить хорошее редакторское место в Индии. Такое предложение встретилось мне в середине 1872 г. Стать редактором «Пайонира» мне предложил его владелец Джордж Аллен, находившийся тогда в Лондоне, и, уволившись из «Стэндарда» я принял это предложение. В ноябре 1872 г. мы отправились в Индию через Париж, Турин (через туннель Мон-Сенис), Милан и Венецию. На пароходе «Мальта» мы приплыли в Александрию, далее на поезде пересекли перешеек (это было ещё до открытия канала), а затем на «Пекине» в Бомбей. Наконец, после утомительного железнодорожного путешествия, длившегося 36 часов, мы достигли места нашего назначения — Аллахабада. Поскольку дом, нанятый для нас, ещё не был готов, мы несколько дней пользовались гостеприимством мистера и миссис Уорнер. Затем мы получили собственную квартиру — поначалу очень неудобную, но за неделю или две мы устроились, после чего начался период жизни, который вряд ли стоит описывать в подробностях. В целом мы получали от него удовольствие — было много веселья, выездных обедов и прочего, что мы находили приятным; вторую половину дня мы почти каждый день проводили в саду за игрой в бадминтон, а отсутствие стеснённости в деньгах было приятной переменной наших обстоятельств.

С наступлением жаркой погоды Аллахабад значительно пустел, поскольку правительственные чиновники северо-западных провинций (как тогда называлась наша часть страны) переезжали в Найни Таль, но мы оставались, перенося жару легче, чем другие жители. К тому времени я уже привык к своей работе. В начале всё шло вовсе не так гладко, потому что мне вредил завистливый и неразборчивый в средствах ассистент, но после множества трений я продолжил вполне хорошо.

Дневник за тот период представлял собой пространную запись развлечений в обществе. По англо-индийскому обычаю в число наших знакомых входили почти все жители станции, и из них вокруг нас собрался блестящий маленький кружок — Тиррел, тогда регистратор Верховного Суда, а потом судья, Карпентер, видный чиновник, Джордж Росс, адвокат, Джердин, ведущий адвокат, а позже и Оклэнд Колвин, должностное лицо европейского квартала и Джон Эллиот из департамента образования, ставший потом выдающимся

метеорологом. Мы могли свободно предаваться тихим развлечениям, и мне сказали, что нашу сравнительно скромную компанию стали называть «маленьким голландским домиком». Летопись этого периода была омрачена одним печальным случаем. Джердин был только что назначен судьёй Верховного Суда; это почётное назначение его очень радовало. Чтобы отметить это событие, он устроил вечеринку в Мирзапуре, воспользовавшись для этой цели домом своего друга. Мы провели очень приятное утро в красивой местности по соседству. Когда мы возвращались назад, я ехал верхом вместе с Джердином, и вдруг он почувствовал острую боль в животе. По возвращении в Мирзапур он сообщил, что не спустится к обеду, но никто из нас не подозревал тяжести его болезни. Он умер в ту же ночь от холеры. Вечеринка кончилась большим горем, и мы были очень подавлены, поскольку он был человеком, к которому все мы были сердечно привязаны. Это случилось в августе 1873 г.

Постепенно отъехавшие в Найни Таль стали потихоньку возвращаться в Аллахабад, и обычная жизнь возобновилась.

Я имел право на ежегодный месячный отпуск, но копил отпуск, чтобы на третий год позволить себе трехмесячное путешествие домой.

Сестра моей жены, Томасин Эденсор, выбралась к нам надолго в конце 1873 г.

В апреле 1875 г. мы отправились домой. Этот отпуск был омрачён смертью старшей сестры жены Джоун, скончавшейся почти сразу же после нашего приезда в Лондон.

Во время моего визита домой мой друг-спирит, мистер Вайзмэн, взял меня с собой на сеанс к миссис Гаппи. Физические феномены были поразительными и отметили всякую мыслимую теорию мошенничества. Тогда у меня твёрдо установилось убеждение в реальности спиритических явлений, и с тех пор я уже никогда не колебался.

Миссис Гаппи тогда была уже зажиточной вдовой и жила на Виктория роуд, в Кенсингтоне, где развлекала своих друзей сеансами и была достаточно любезна позволить мне прийти два или три раза. О ней тогда говорили, как о «царице физических медиумов», и она этого титула конечно же заслуживала.

Мы отправились обратно в Индию в июле и по дороге остановились у семьи Мэсси в Шатоне под Парижем, а затем

направились в Швейцарию, где останавливались на несколько дней в Тюне, Интерлагене и других местах, далее мы проехали Менеу, Милан, Белладжо на озере Комо и наконец Венецию, отплыв в Александрию на пароходе компании «Р & О» «Кастигар». Из Суэца мы плыли на «Монгалии» и в начале августа достигли Аллахабада.

«Пайониром» в моё отсутствие заведовал мистер, а впоследствии сэр Джон Эллиотт.

Я не нахожу в дневнике записей каких-либо особенно интересных событий холодной зимы 1875–76 г. Продолжалась обычная рутина обедов и садовых вечеринок, но в апреле 1876 г. мы отправились в Симлу, потому что считалось, что мне лучше всего быть в контакте с правительством, а редакторскую работу осуществлять по почте. Вице-королём тогда стал лорд Литтон, и постепенно мои отношения с ним стали приобретать очень приятный характер. Он обнаружил, что может мне доверять и стал очень откровенен в обсуждении политических событий. Остальное время мы проводили как обычно, в непрестанных общественных развлечениях. В Аллахабад мы вернулись в сентябре.

16 мая 1877 г. около 9 или 9:30 утра после ужасно мучительной ночи у моей жены родился мальчик. Этот жаркий сезон мы полностью провели в Аллахабаде, но никаких важных событий не было до начала 1879 г. когда м-р Аллен продал «Пайонир» Раттегану и Уолкеру, которые уже были владельцами лахорской «Сивил энд милитари газетт».

Эта сделка меня очень раздосадовала, но до того мне ни разу не приходило в голову, что я и сам мог бы сделать это, взяв кредит на покупку в банке, как меня потом убедили.

Некоторое время всё продолжалось как обычно. Я отправился в Лахор встретиться с новыми владельцами, но мне никогда не удавалось очень хорошо ладить с ними.

Теперь я приближаюсь к периоду огромных перемен в моей жизни, моментально произошедших из-за знакомства с Е.П. Блаватской и введения меня в оккультизм.

«Кто-то — думаю, это был Херберт Стэк», — сказал мне о книге Блаватской «Разоблачённая Изида» как об открывающей новую идею, превосходящую спиритизм — действительную реальность магии. Затем я увидел в бомбейских газетах сообщение, что с полковником

Олькоттом они приехали в Бомбей и написал о них заметку в «Пайонире», подразумевая, что они спириты, приехавшие в Индию в поисках новой разновидности медиумизма. Олькотт написал мне по поводу этой заметки, и мы кое-как познакомились по переписке. Мы думали, что они могут оказаться интересными людьми и решили попросить их нанести нам визит, если они намереваются (а я полагал, что это так и будет) поехать на север страны. Они приехали 4 декабря 1879 г.

Теперь для меня очевидно, что их приглашение произошло по инициативе моей жены. Мы, как обычно катались вечером и говорили обо всём, что мы слышали о возрождении Блаватской «магии» (как мы полагали) и новой стадии развития спиритизма. Моя жена сказала: «Что, если мы пригласим её и её товарища, полковника Олькотта, нанести нам визит по пути на север страны?» (или что-то в этом роде). Теперь я, конечно, знаю, что Учителя планировали свести нас вместе и включить меня в работу зарождающегося теософического движения. Моя жена оказалась более чувствительной к этому телепатическому намёку, и потому это предложение было высказано с её стороны. Я согласился, хотя мы оба посмеялись над той перспективой, что эти странные гости могут не оправдать наших надежд на их способности.

Эти события в общих чертах описаны в моей книге «Оккультный мир». Там рассказывается, как Блаватская дала нам свидетельства своих пара нормальных способностей, и в этом рассказе я не собираюсь повторять содержания этой книги. Но здесь я дам некоторые личные подробности, которые туда не вошли. И я живо помню, когда пишу это более 30 лет спустя, то утро, когда я рано, около 7 утра, приехал встретить наших гостей на железнодорожную станцию. В те времена поезд из Бомбея приходил примерно в это время. Когда мы прибыли домой, на веранде нас уже ждал «чота хазри»^[2]. Моя жена ещё не вышла из своей комнаты (она сделала это несколькими минутами позже), и Блаватская села за стол со мной. Наш разговор обратился к спиритизму, и она спросила меня, проводили ли мы какие-нибудь сеансы. Я сказал, что да, но без малейшего успеха. Мы не смогли получить даже ни единого стука. Она засмеялась и сказала, что стуки получить очень легко. Она положила руку на стол, и они начались сразу же, при ярком утреннем свете. Это, конечно, могло быть отнесено на счёт её необычайного медиумизма, но позже опыт

нас убедил, что эти стуки подчинялись её воле и она могла заставить их передавать любую чепуху, которую она бы захотела им продиктовать. За всем остальным, что касается феноменов, связанных с визитами Блаватской к нам, я отсылаю читателей этого повествования к книге «Оккультный мир».

Но я могу здесь заметить, что мы были очень скоро очарованы её личностью. Конечно, её манеры были неотёсанными, но во всяком случае было очевидно, что это было её собственным выбором, а не результатом плохого воспитания.

Она нередко ругала и оскорбляла Олькотта так, что это действовало нам на нервы, но не может быть сомнения, что за этот визит (который растянулся от планировавшихся первоначально нескольких дней до нескольких недель) мы определённо её полюбили. В некоторых отношениях она была утомительной и недисциплинированной гостьей. Она упорно засиживалась с разговорами до глубокой ночи, когда нам давно уже хотелось спать. Тогда мы были слишком вежливы, чтобы уйти и оставить её одну, что было бы проще всего. Кроме того, в самом начале, несмотря на продемонстрированные нам стуки, она столь абсурдно злоупотребляла одним небольшим проявлением оккультных сил, что охладила наш энтузиазм, заставив нас серьёзно сомневаться — не является ли она хотя бы наполовину обманщицей. Но мы терпеливо ожидали развития событий, и постепенно эти разумные подозрения рассеялись, а благодаря её интересным беседам мы стали ещё больше к ней привязаны. Более того, она пробудила огромный интерес у многих из наших друзей в Аллахабаде, и её часто приглашали на обеды, где её оживлённые и часто остроумные беседы пользовались успехом. На обедах в небольшой компании избранных друзей в нашем доме она очень ярко сияла. Но всё это время, хотя мы постепенно приобретали туманные понятия о «Братях» (как она в то время называла великих адептов Белой Ложи), мы не были удостоены никаких поразительных феноменов, помимо стуков, проявлявшихся во всех вообразимых видах.

А.О. Хьюм, с которым у меня потом были тесные отношения в Симле, был во время визита Блаватской в Аллахабаде и проявил большой интерес к выдвигаемым ею идеям. Однажды он председательствовал, когда Олькотт читал лекцию о теософии в Майо-холле.

В середине декабря Блаватская убедила нас посетить вместе с Олькоттом ненадолго Бенарес, хотя мы и не были склонны делать это. Раджа Визангарам предоставил ей дом там, где в отдельном бунгало в конце сада остановился сваами Дайананд Сарасвати. Блаватская подняла наши ожидания касательно него на очень высокий уровень, но мы были разочарованы, так как он либо не мог, либо не хотел продемонстрировать нам никаких проявлений оккультных сил.

Нас разместили безо всякого комфорта, и я под давлением этого постепенно начал терять терпение. Вечером у меня был с Блаватской бурный разговор, и мы решили на следующее утро отправиться домой, но, когда настало время, нас уговорили остаться ещё на денёк. Мы с женой отправились домой на следующий день, очень довольные, что сбежали от всех этих неудобств.

Через несколько дней Блаватская с Олькоттом вернулись к нам и оставались у нас до 30-го. Их отъезд был бурным из-за гнева Блаватской, обрушившегося на Олькотта из-за какой-то мелочи, которая уже и забылась. Мы проводили их со смешанным чувством — и сожаления, и облегчения.

Жару 1880 г. мы провели в Симле, и к завершению жаркого сезона Блаватская с Олькоттом нанесли нам ещё один визит. Они прибыли 8 сентября, и на этот раз Блаватская стала демонстрировать нам новые феномены — астральные колокольчики и некоторые другие, хотя и не очень поразительного характера. В то время мы жили в доме под названием «Брайтлэндс», над бульваром для гуляний.

Примерно в это время, хотя я не могу установить точной даты, началась моя переписка с махатмой К.Х. Помню, что идея вступить в личное сообщение с одним из «Братьев» возникла однажды утром во время разговора за завтраком. Я добродушно указав на неспособность Блаватской наладить дела её общества из-за некоторого недостатка благоразумия, сказал, что уверен, что если бы я смог войти с контакт с самими «Братьями», то нашёл бы у них больше практического здравого смысла. «Как вы думаете», — спросил я Блаватскую, — согласились ли бы они ответить на моё письмо, если бы я им написал? Она, похоже, не сочла это невозможным, так что я написал, адресовав своё письмо «неизвестному Брату». За подробностями последовавшей переписки я должен отослать читателя к «Оккультному миру». Вот что позволило мне написать эту книгу, которая фактически была в

основном написана в море, во время нашей следующей поездки в Англию.

После того, как мы вернулись в Аллахабад, Блаватская и Олькотт снова ненадолго к нам приехали, а в марте 1881 г. мы с женой отправились домой провести наш второй отпуск в Англии. На этот раз мы поехали через Калькутту, где поселился тогда м-р Эллиотт, а затем на пароходе через Цейлон и далее. Прибыв в Марсель, мы ненадолго заехали в Монте-Карло (где я проиграл умеренную сумму, которой заранее решил рискнуть — но не больше), а затем отправились в Шатон к Мэсси, которые нас тепло приняли. Мене из-за болезни пришлось у них остаться, тогда как я поехал в Лондон. Как только ей стало лучше, она продолжила путешествие и присоединилась к матери и сестре в водолечебном учреждении в Норвуде; я же поселился на Даун стрит. Я должен объяснить, что она ожидала тогда вторых родов, но была ещё в состоянии часто наезжать в город и посещать с нами театры и прочие развлечения. Мой отпуск, однако, кончился, что заставило меня в начале июня отправиться обратно в Индию, и мне пришлось оставить жену в Норвуде, а к концу месяца она переселилась в дом, снятый её матерью в Ноттинг Хилле, на Роял Кресент 34.

Должно быть, в то самое время, когда я остановился на Даун стрит, по просьбе леди Пелли я прочитал в её доме (Итон-Сквэр, 1) в гостиную лекцию о развитии теософии. Собралась аудитория из влиятельных людей, и я дал очень несовершенный набросок о реинкарнации, Учителях и учении, как я его тогда понимал. Но это произвело определённый эффект, поскольку и спустя годы люди говорили мне, что были на этой лекции или слышали о ней от присутствовавших там друзей.

Тем временем я присоединился в Париже к Френсису Мэсси, и мы устроили небольшое туристическое путешествие в общем в направлении Венеции, откуда я должен был отплыть в Индию. Мы посетили Вену и Будапешт и получили от путешествия большое удовольствие.

По прибытии в Бомбей я на несколько дней остановился у Блаватской и, если я правильно помню, на следующий день после своего приезда получил по-видимому феноменальным образом длинное письмо от К.Х., где он поздравлял меня с публикацией

«Оккультного мира», который вышел во время моего пребывания в Лондоне. Само письмо я считаю подлинным, но у меня есть серьёзные подозрения относительно того способа, которым оно меня достигло. Оно упало передо мной на стол, когда я сидел с Блаватской, и могло быть просунуто сверху сквозь щель между балками потолка М. Куломбом, как он позже заявил. Конечно, его слова ничего не стоят, но Блаватская иногда бывала способна на такую чудесную неразборчивость в средствах, добавляя кое-что из арсенала фокусников, чтобы придать больше блеска какому-нибудь подлинному явлению. Обычное суждение на основе того, что она была виновна в такой глупой выходке или хотя бы дала повод для подозрений, отмело бы всё сказанное и сделанное ею как недостоверное, но виденные мною в Симле и других местах феномены, реальность которых я не могу отрицать, являются для меня доказательством, перевешивающим влияние подобной неразборчивости с её стороны.

* * *

Просматривая рукопись этой книги через несколько лет после первоначального написания, я счёл, что стоит добавить одно замечание по поводу только что упомянутого случая. В более поздние годы у меня несколько раз появлялась возможность вступить в контакт с Е.П. Блаватской, находившейся уже «по ту сторону». Однажды я прямо спросил её: «Зачем вы устроили этот дурацкий фокус с упавшим письмом в Бомбее?». Ответ был таков: «Это вовсе не я — моё тело занимал чёрный маг». ««О боже», — сказал я, — разве вы не могли принять меры по предотвращению подобных вещей, когда вам бывало нужно покинуть тело?» ««О да», — сказала она, — но иногда я бывала беспечна». Это объяснение с одной стороны раскрывало тайну, но оставляло меня с мыслями о серьёзном аспекте такой беспечности. Позже, у меня выдалась возможность спросить Учителя К.Х., что он думает об этом. Его ответ — как всегда, мягкий и добрый, — был в таком смысле, что Блаватская всегда ощущала непрерывно бушующую вокруг неё бурю — яростные атаки тёмных и мощную светлую защиту. В таких обстоятельствах, что вовсе не удивительно, она иногда теряла голову.

* * *

Во всяком случае, это полученное в Бомбее письмо стало началом объёмистой переписки, которая в конечном счёте позволила мне написать «Эзотерический буддизм».

Вскоре после моего возвращения в Аллахабад я получил из дома телеграммы, известившие меня о том, что 14 июля моя жена родила, но ребёнок из-за странных осложнений родов родился мёртвым.

На остаток жаркого сезона я отправился в Симлу, но у меня нет записей моих дел за этот период, и я могу полагаться только на свою память. Дневник моей жены рассказывает о её собственных делах дома. Однако, должно быть, именно в этот свой визит в Симлу я встретил Блаватскую и сопровождал её в путешествии в гору на тонге^[3], которая тогда была там единственным средством передвижения, и оба мы провели значительное время у Хьюма. Тогда он был одним из секретарей правительства Индии и уже живо интересовался теософическим движением, писал памфлеты на эту тему и сам много переписывался с Учителями (как мы постепенно научились из называть). Но визит Блаватской к нему не дал хороших результатов. Пожалуй, в некоторое степени это было его виной, так как по характеру он был склонен повелевать и был полностью лишён того послушания, которое в начале представляется необходимым условием для оккультного прогресса; особенности Блаватской, усугублявшие дело, несомненно, тоже внесли свой вклад в возникшие неприятности. Так или иначе, их отношения стали очень напряжёнными.

Когда моя жена вернулась в Индию, я был в Аллахабаде. Я выехал в Бомбей и остановился там на несколько дней у Блаватской. Я должен был туда поехать из-за некоторых затруднений в нашем Обществе там, впрочем, маловажных, и вернулся уже вместе с женой в начале января 1882 г. За следующие несколько месяцев не произошло никаких событий значительной важности, и в апреле мы отправились в Симлу, поселившись в доме под названием «Тендриллс» [побеги, усы растений], где мы в конце концов объединились с полковником Гордоном и его женой, образовав совместное хозяйство.

В июне у меня возникли неприятности с м-ром Рэттегэном, который был тогда главным владельцем «Пайонира». Он хотел, чтобы я вернулся в Аллахабад, потому что не был удовлетворён тем, как там устроены дела. Я отказался, настаивая на своём праве в жаркую погоду вести дела из Симлы, ибо я так понимал соглашение между нами. У меня нет записей, которыми я бы мог руководствоваться, описывая обстоятельства этого, но у меня осталось впечатление, что мне тогда лучше было бы уступить и вернуться в Аллахабад. Так или иначе, этот инцидент положил начало натянутым отношениям с новыми владельцами, что в конечном счёте привело к разрыву связи с «Пайониром», хотя из дневника жены я вижу, что память изменяет мне, и в июле я всё-таки решил сдаться и вернуться в Аллахабад. Я уже готовился к путешествию, когда получил телеграмму от Рэттегэна, объявлявшую что были приняты меры, избавившие меня от необходимости спускаться в долину.

В течение всего этого сезона я был в активной переписке с учителем К.Х. — его письма передавали учение, которое было в конечном счёте обработано в «Эзотерическом буддизме». Хьюм тоже получил много писем, хотя, как я позже заключил, Учителя не считали его умонастроение хоть насколько-ни будь обнадеживающим.

Мы создали отделение Общества под названием «Эклектическое Теософическое Общество Симлы», где я стал президентом, но ему не было суждено насколько-ни будь долгое существование.

В начале октября нас посетили два челы, носивших жёлтые одежды. Главный из них представился как Дарбагири Натх и рассказал мне о своей жизни в доме Учителя К.Х. в Тибете. Этот случай был окружён некоторой тайной, которая так и не была удовлетворительно объяснена. Похоже, что Дарбагири Натх через день или два после

этого был с Блаватской в Даржилинге, а это время совершенно недостаточное для физического путешествия между этими двумя местами. Но в конце концов, похоже, прояснилось, что её невысокий человек и мой были разными людьми, хотя она долгое время позволяла нам оставаться под впечатлением, что это был один и тот же. ^[4]

В тот период мы перешли на вегетарианство, сделав это из гуманных соображений — больше под влиянием писавшей об этом Анны Кингсфорд, чем из-за той идеи, что это поможет нашему теософическому прогрессу, — и дали знаменитый вегетарианский обед, вызвавший в то время много разговоров. Майор Кенни Херберт, повар-любитель, был настолько любезен, что взял на себя все хлопоты по устройству обеда, который имел огромный успех, хотя оказался очень дорогостоящим. Так проходило время, бесконечная череда общественных увеселений. К концу октября мы оставили Симлу и отправились в Аллахабад; путешествие было очень неудобным из-за того, что мы опоздали на поезд, идущий вниз. Нам пришлось провести ночь в квартире железнодорожного сторожа (который той ночью был на работе), потому что поезд на равнину ходил только раз в день. Вскоре после нашего возвращения к нам приехала погостить Е.П. Блаватская, и именно во время этого визита я получил портреты Учителя К.Х., упомянутые в «Оккультном мире» ^[5].

В ноябре м-р Рэттегэн уведомил меня, что хочет прекратить сотрудничество со мной в качестве редактора. Последовали разные переговоры. Был выработан план, по которому я собирался начать новую газету, которая конкурировала бы с «Пайониром». Было даже придумано название. Она должна была называться «Феникс», и были предприняты усилия получить необходимый капитал от некоторых из великих индийских раджей. Владельцы «Пайонира» были достаточно либеральны в окончательном урегулировании финансовых дел со мной, хотя за давностью лет я уже не могу привести цифр, равно как и не помню, входило ли в эти договорённости что-либо, касающееся планируемой новой газеты. Так или иначе, когда мы покинули Индию, этот проект был ещё жив, хотя ему так никогда и не было суждено осуществиться.

Как я считаю, именно моя связь с теософией, вызывавшей возмущение новых владельцев «Пайонира», послужила главной причиной их желания от меня избавиться. Сложности, связанные с

моим нежеланием возвращаться в Аллахабад в середине сезона Симлы, несомненно, тоже внесли в это какой-то вклад, но моя приверженность теософии была во всём этом деле более важным фактором.

Мы же со своей стороны вовсе не были против изменений, вне зависимости от того, была бы основана новая газета или нет. Мы стали очень уставать от англо-индийской жизни, состоявшей из пустых и легкомысленных развлечений, и я во всяком случае видел продолжение своего пути в жизни в Англии. У меня было, с учётом денег, полученных мною при последнем расчёте, накоплено около 8000 фунтов. Я был вполне уверен, что буду в состоянии добавить к проценту, получаемому с этих денег, заработка журналистской работой дома, и мы относились к неясности перспектив «Феникса» без особого беспокойства.

9 февраля 1883 г. я дал прощальный обед в клубе. Было около 40 человек, и председательствовал Даглас Стрэйт, тогда один из судей Верховного Суда. На следующий вечер, 10-го, Силкинсоны дали в нашу честь приватный обед.

11-го мы покинули Аллахабад и по пути в Мадрас (где в доме в Адьяре, подаренном богатым и симпатизирующим индийским другом, поселились Блаватская и Олькотт), заехали в Калькутту. Там мы остановились у Холдернесса и Хантера, которые квартировали тогда вместе. Я имел приятный прощальный разговор с лордом Райпоном, тогдашним вице-королём, который, к моему огромному удивлению, не ожидал сколько-нибудь значительного возбуждения и противодействия в связи с только что выдвинутым законопроектом [?]. Большинство из нас были уверены, что в сообществе европейцев он будет встречен с яростным негодованием. Лорд Уильям Бирсфорд, работавший тогда в штате вице-короля, устроил нам мероприятие на соответствующем уровне, в рамках которого мы взяли компанию друзей на пикник в Барракупур.

Дальше мы отправились морем в Мадрас и, прибыв туда 2 марта, остановились в Адьяре у Блаватской. В тот приезд я много работал над написанием «Эзотерического буддизма». Суббо Роу его учителем, Учителем Морией, было поручено оказывать мне такую помощь, какую он мог, но делалось это им неохотно и очень мало мне помогло. Позже Учитель К.Х. упомянул о двух моих наставниках в Адьяре так,

что один не хотел, а другой не мог оказать мне какую-либо реальную помощь. Мы не особенно искали тогда феноменов, но произошло одно явление, теперь имеющее интерес как показывающее добросовестность использования того, что потом стали называть «алтарём» или «киотом» — небольшой шкафчик, висевший на одной из стен в кабинете Блаватской. Много позже, когда Обществом Психических Исследований, чтобы исследовать связанные с Блаватской явления в Индии, был прислан д-р Ходжсон, он стал предметом подозрений и поводом для интриг. Он был сделан для хранения каких-то реликвий, связанных с пребыванием Блаватской у Учителей в Тибете несколько лет назад и стал использоваться для писем, адресованных Учителям, которые забирались оттуда оккультным путём.

Я писал «Эзотерический буддизм» в одной из нижних комнат, и по мере продвижения работы формулировал разнообразные вопросы, чтобы задать их Учителю, когда представится возможность. Однажды утром жена зашла ко мне поговорить, и я дал ей несколько таких вопросов, попросив передать их Блаватской для отсылки при удобном случае. Она, по всей видимости, отнесла их наверх со стороны здания, противоположной комнате с «киотом». Блаватская сказала ей поместить мои вопросы в «киот», что она и сделала, оставаясь в комнате и разговаривая со «старой дамой», как мы всегда её называли. Примерно через десять минут Блаватская сказала моей жене, что Учитель уже отправил ответ. Мена пошла к «киоту» и обнаружила там ответ Учителя, а точнее, несколько строк его почерком с обещанием ответить на мои вопросы, на следующий день. В течение этих десяти минут Блаватская не поднималась со своего места за письменным столом.

Часть времени в Мадрасе мы провели у Чарлза Тёрнера, главного судьи Мадраса, и 31 марта отплыли в Европу на пароходе «Пешавар». Наше путешествие домой через Венецию было достаточно приятным. Мы проехали через Баль в Кале и 26 апреля достигли Лондона.

Скоро мы стали близкими друзьями с миссис и мисс Арундэйл, жившими тогда на Элджин Крессент, Ноттинг Хилл, и их дом стал местом встречи для первой группы людей, серьёзно интересовавшихся теософией. Там я впервые встретил миссис Кингсфорд, которая была президентом постепенно развивавшегося Британского Теософического

Общества. Среди самых первых и видных приверженцев этого движения был Ч.Ч. Мэсси, и некоторые встречи молодого общества происходили у него в квартире на Виктория стрит. Именно тогда был опубликован «Эзотерический буддизм», но я не нахожу у себя в дневнике точной даты, когда он вышел в свет. В тот период я завязал очень много интересных знакомств, и интерес к теософическому движению стал быстро распространяться в высших слоях общества. Фредерик Маерс, Гёрней и проф. Сиджвик, лидеры Общества Психических Исследований, очень заинтересовались и поначалу симпатизировали.

В августе того года мы с женой совершили путешествие за границу, сначала навестив Мэсси в Булони, где они тогда жили, а потом направились в Брюссель, Гаагу, Амстердам, а затем в Эльберфельд к Гебхардам, где были очень тепло приняты.

Это стало началом очень близкой дружбы со всей их семьёй. Поначалу из них интересовалась оккультизмом только миссис Гебхард. Раньше она уже приезжала в Лондон познакомиться с нами. Постепенно заинтересовались и другие члены семьи. Мистер Габхард был богатым фабрикантом бархата и других тканей. Один из его сыновей, Артур, был почитателем Вагнера, и отец и сын забавно подтрунивали друг над другом по этому поводу. Рудольф, младший сын, имел необычайный талант фокусника-любителя. Со временем все они стали играть более или менее важные роли в теософическом движении.

Долго и очень приятно погостив у Артура Гебхарда и его жены, мы наконец поехали дальше, в Висбаден, и, кажется, как раз во время этих путешествий мы получили из Индии новости о том, что усилия по сбору средств для новой газеты провалились, так что мы оставили все мысли о возвращении в Индию. Наконец, мы вернулись домой через Остенд, достигнув Лондона 2 октября. Теософическая деятельность сразу же возобновилась; основным местом встреч был дом Арундэйл.

Я нахожу в дневнике значимую запись от 12 декабря, хотя тогда на важность этого обратили мало внимания. Мы жили в доме миссис Эденсор, на Роял Крессент, 34. Я не помню, где тогда жила она со своей дочерью Томасиной, но так или иначе, мы временно занимали этот дом, хотя активно искали дом, где могли бы поселиться постоянно. Запись, о которой я говорю, гласила: «Заходил м-р

Боттомли». Его визит имел следующее объяснение. Полностью оставив план основать газету в Индии, я пришёл к заключению, что лучшее, что я мог сделать, это купить значительную долю в какой-нибудь лондонской газете, где я мог бы выполнять определённый объём редакторской работы, которая была бы гарантирована моими правами долевого собственника. Я разместил соответствующее объявление в «Афензуме». И странно сказать — хотя предложения купить что-то обычно вызывают много предложений более или менее непорядочного характера — я получил только один ответ от м-ра Хорэйшио Боттомли! И много времени спустя я узнал от него, что он вообще раньше не видел газеты «Афензум», пока не взял её номер на каком-то столе для публичного чтения и не заметил моё объявление.

У него не было газеты, которую он мог бы продать, но это не удержало его от ответа на моё объявление. Кем он был в начале своей карьеры, я точно не знаю. Затем он стал клерком у адвоката, потом научился стенографии и стал судебным репортёром. Этим он и занимался, когда я познакомился с ним. В это время у него появилась идея. Тогда как раз возникла мода на «местные парламенты» — дискуссионные общества, имитировавшие формы работы Палаты Общин. Он думал, что есть ниша для газеты, которая могла бы стать органом этого движения и отражать работу местных парламентов. Эта идея не особо меня привлекла, но предприятие требовало довольно скромных вложений, а м-р Боттомли был очень убедителен. Не сразу, но вскоре после этого я изыскал 100 фунтов для начала предприятия.

Я не буду прерывать последовательность своего рассказа, чтобы излагать тут всю историю своих отношений с Боттомли, которая в конце концов привела к моему полному разорению. Это было результатом многолетней деятельности, но я могу сразу же сказать, что Боттомли вовсе не был нечестен в своих делах со мной. Дело обстояло совершенно наоборот. Смехотворное маленькое вложение в его новую газету «Дибэйтор» оказалось прибыльным, и одно время казалось, что мои отношения с Боттомли чудесно продуктивны и выигрышны. Но о ходе своих коммерческих предприятий я скажу в должном месте, описывая опыт следующих нескольких лет.

Поиск жилья наконец привёл нас к тому, что мы поселились на Лэдбрук Гарднз, 7. Тем временем встречи Общества проходили в разных домах, и я нахожу записи об одной, состоявшейся в квартире м-

ра Худа в Стоун Билдингс, на которой, кажется, миссис Кингсфорд, тогда всё ещё президент, читала свои письма к Олькотту и другим, касающиеся её переизбрания в качестве президента. Это вызвало много трений и беспокойств, что в конечном счёте привело к её разрыву с Обществом. Она была очень высокого мнения о важности её собственного «Герметического» движения и своей книги «Совершенный путь» и намеревалась скорее присоединить к этому предприятию Теософическое Общество, чем работать в нём как в основной организации. Это её отношение отвратило от неё симпатии теософов, привлечённых в движение новым учением из Индии, излагавшимся в моих книгах, но тогда Кингсфорд этого ещё не осознавала.

Даже с помощью дневника я не могу составить связного рассказа о неприятностях с миссис Кингсфорд. Я получил несколько писем и телеграмм от К.Х. на эту тему, и позже я понял, что «Старый Чохан» (как мы его называли) руководствовался своим высоким мнением о работе миссис Кингсфорд в движении против вивисекции, когда поддержал её переизбрание в качестве президента.

Мы переехали в новый дом 31 января 1884 г., и скоро он стал центром значительной части теософической деятельности. В то время интерес к теософии быстро распространялся в высших слоях общества, и новости о таком развитии событий побудили Блаватскую оставить своё намерение, очень определённо выраженное ею нам, когда мы останавливались у неё в Адьяре, остаться там до конца жизни. Она решила приехать в Европу в сопровождении Олькотта — о чём я весьма сожалел, так как предвидел неприятности, произошедшие в связи с их приездом в Лондон.

И 5 апреля мы с женой отправились на вокзал Виктория стэйшн встретить Олькотта и Мохини, прибывших вперёд Блаватской. Мохини был молодым индийцем, считавшимся тогда челою К.Х. на испытании, и ему было суждено сыграть очень важную роль в развитии теософии на Западе.

7 апреля состоялась очень шумевшая встреча Общества в номерах Финча в Линколн инн, созванная с целью избрания нового президента. К тому времени я пришёл к убеждению, что переизбрание Кингсфорд нежелательно; и, хотя некоторые члены желали выдвинуть меня, мне при данных обстоятельствах казалось лучше избрать кого-

ни будь другого. Потому я предложил Финча, адвоката, который к тому времени уже оканчивал Кембридж и проявлял тогда глубокий интерес и симпатию к теософии. Спустя долгое время эти его чувства ослабли, но в той чрезвычайной ситуации он подходил хорошо. По результатам голосования кандидатура Кингсфорд не получила никакой поддержки, тогда как Финч был выбран практически единогласно. Я думаю, что присутствовавший м-р Мэйтлэнд был единственным человеком, голосовавшим за Кингсфорд.

Но это было не единственной сенсацией того вечера. В середине собрания совершенно неожиданно появилась Блаватская, и конечно, все были очень возбуждены^[6]. Мы взяли её к себе домой, и вскоре дом наполнили любопытные посетители, но примерно через неделю она на время вернулась в Париж, а Олькотт с Мохини по-видимому остановились у Арундэйлов. Наше время было почти полностью занято теософскими собраниями, неформальными встречами с более близкими нам членами и беседами с интересующимися посторонними. На неделю или две в конце мая — начале июня мы с женой и сыном отправились в Хастингс ради здоровья жены, которое было тогда непрочным. Помню, меня и других позабавила рекомендация К.Х., что она должна принимать виски и молоко. Блаватская всегда была фанатична в своём отвращении к алкоголю в любой форме и навязала свою волю и Олькотту, который был очень удивлён вышеупомянутой рекомендацией. Кстати могу здесь сказать, что сам я никогда не считал правила питания имеющими какую-либо важность в связи с настоящим духовным ростом. Он зависит от развития характера и поведения перед лицом разнообразных кризисов и жизненных испытаний, и два великих психиста, с которыми я познакомился позже, не были ни вегетарианцами, ни абсолютными трезвенниками. Излишне говорить, что оба они были очень умеренны в употреблении мяса и вина, но вот фанатизм в таких вещах основан на заблуждении.

К тому времени у нас стала останавливаться миссис Халловэй, одарённая американская психистка, а потом она переместилась к Арундэйлам. Она имела очень живые ясновидческие видения Учителей, могла передавать мне послания от К.Х., а однажды он обратился ко мне через неё от первого лица. Много позже она, вернувшись в Америку и снова выйдя замуж, отошла от теософии (во время знакомства с нами она была молодой вдовой), но хотя у неё

были хорошие намерения, ей удалось создать между нами и мисс Арундэйл напряжённость, хотя и временную.

Тем временем, отчаянный кризис в Обществе продолжался при обстоятельствах, которые я хорошо помню. Блаватская вернулась в Лондон и остановилась у Арундэйлов. 30 июня 1884 г. (я беру дату из дневника, хотя что касается прочего, я помню этот случай слишком хорошо) все мы пошли на собрание Общества Психических Исследований. В ходе собрания Олькотт без всякого приглашения встал и выступил с речью необычайно бестактного характера. Руководители ОПИ очень старались вести все собрания на уровне, соответствующем культуре высших классов. А Олькотт, с его прямоотой и преданностью делу оказался не в ладу со вкусами рафинированных европейцев. Запись в дневнике гласит: «Полковник О. выставил себя полным валенком и разозлил С.Д., ей стало стыдно за него». (С.Д. тут конечно означает «Старая дама», как мы всегда называли Е.П. Блаватскую, в том числе и обращаясь к ней).

Хотя С.Д. тогда жила у Арундэйлов, после этой встречи, которая вывела её из себя, она настояла на том, чтобы вернуться в наш дом. От сильных эмоций её лицо побелело; она говорила так громко, что я побоялся, что она побеспокоит соседей, и поносила несчастного полковника, пока не довела его до того, что он спросил, не хочет ли она, чтобы он покончил самоубийством. Конечно, с одной стороны эта её демонстрация страстей была бесполезной и абсурдной, но с другой, хотя и не предвидя подробностей, она осознавала, что случилось что-то ужасное. Так оно и было. Последовавшие беды, которые некоторое время потрясали Теософическое Общество в Европе, прослеживаются к отвратительному вечеру, который я описал. До того времени предводители ОПИ охотно стремились быть в контакте с теософическим движением. Фредерик Маерс и Гёрни постепенно входили в круг наших близких друзей. Но Теософическое Общество было слишком молодо, чтобы выдержать потрясения от тех последствий, которые навлекло на него неблагоприятие Олькотта. Предваряя рассказ, к которому я перейду в подробностях позже, я могу здесь сказать, что отправка Ричарда Ходжсона в Индию для расследования феноменов Блаватской, его неблагоприятный отчёт и крах нашего молодого общества, от которого отпали почти все, когда

всё стало выглядеть так, будто Блаватская разоблачена и опозорена, — всё это было результатом того прискорбного вечера 30 июня 1884 г.

По моему мнению, эта катастрофа оправдала мои сожаления, которые я открыто высказал, когда Блаватская объявила об изменении своих планов и намерении приехать в Европу, чтобы подыграть неожиданному энтузиазму, который возбудил «Эзотерический буддизм».

Последовал очень неприятный период, хотя последствия оплошности полковника достигли своей кульминации намного позже. Но С.Д. была очень сварлива, и дневник содержит несколько ссылок на письма с протестами, отправленные мною ей, хотя по прошествии времени я уже точно и не помню, из-за чего мы ссорились. В дневнике я нахожу запись, датированную серединой июля, ссылающуюся на какой-то ответ Блаватской мне, «который не облегчил ситуацию, но намного её ухудшил. В конверте с её письмом было несколько строк, как подразумевалось, от К.Х., где говорилось, что она права, а мы нет. Отправился спать с чувством, что наша теософическая деятельность близится к концу». Возможно, эти строки были сфабрикованы и самой С.Д., так как она довольно безрассудно использовала имена Учителей, когда это соответствовало требованиям момента.

Кажется, на следующее утро нас посетили мисс Арундэйл и миссис Халловэй, и последняя, как у меня записано, была настроена «оставить всё это дело с отвращением».

Будущим читателям может показаться странным, что я мог забыть, из-за чего был весь этот шум, но на протяжении моих отношений с Блаватской после моего возвращения из Индии ссоры были столь частыми, что и гораздо лучшая память, чем моя, не смогла бы удержать подробности их всех.

Как-то возник план устроить в Принс холле вечер в честь мадам Блаватской. Она очень хотела, чтобы он удался и решила, что я должен принять участие. Мне не хотелось, и чтобы склонить меня к согласию, она, по-видимому, использовала почерк и подпись К.Х. Даже тогда у меня были самые серьёзные сомнения в подлинности этой записки синим карандашом, но тем не менее, меня удалось вовлечь в это предприятие, и неудивительно, что я нахожу в дневнике запись о том, что не смог выступить на своём обычном уровне.

Но моё согласие участвовать в вечере не смягчило недружелюбия Блаватской ко мне. Она и те, кто её окружали, были приглашены семьёй Гебхардов, которые к тому времени были под большим её влиянием, посетить их в августе. От миссис Гебхард нам было передано с большим сожалением, что нашего участия не ждут. Когда наступило это время, мы с женой самостоятельно отправились путешествовать в Швейцарию. Миссис Гебхард сама приехала в Кёльн, чтобы повидать нас, и очень извинялась. Далее мы отправились знакомым маршрутом через Тун, Интерлакен и наконец на какое-то время остановились в Муррене, где моя жена не без посторонней помощи (часть дороги её несли в портшезе) вместе со мной поднялась на вершину Шильдхорн.

Как раз во время этого путешествия я начал писать свой роман «Карма». 25 августа мы вернулись в Тун и остались там в Тунерхофе на несколько недель. Это время несколько интересно тем, что мы обнаружили, что в нашей гостинице остановилась мисс Этель Дюран со своими родственницами, миссис и мисс Гэлловэй, и имея некоторые основания считать, что она (мисс Дюран) обладает психическими способностями, я попытался произвести с ней эксперимент по передачи мыслей, который оказался необычайно успешным. Она воспроизводила диаграммы, которые я рисовал на кусочках бумаги — мы сначала попробовали экспериментировать, когда все были на прогулке в лесу неподалёку от Тунерхофа, а продолжили работу потом в гостинице, и с неизменным успехом. Это было началом долгого ряда месмерических сеансов, которые я проводил с ней в Лондоне до того, как она вышла замуж за м-ром Джэймсона, и некоторое время после этого.

Через неё я вступил в контакт с адептом, с которым с тех пор хорошо познакомился — главой атлантской ложи оккультистов, которую обычно называют ложей Юкатана, по причине того, что там (или, как я позже узнал, на эфирных уровнях над этим местом) находится её штаб-квартира. Джэймсон в конце концов умер в Африке, участвуя в одном из путешествий Сэнли в Конго, и его жена осталась довольно богатой вдовой, в каковом качестве стала жертвой одного итальянского графа, за которого вышла. Но всё связанное с её жизнью в тот период составило бы слишком длинную историю, чтобы вставлять её сюда.

Мы хорошо познакомились с этими двумя девушками во время пребывания в Туне, а оттуда в компании с ними отправились в Берн. Ближе к концу сентября, будучи там, мы получили телеграмму от мисс Халловэй, которая была ещё у Гебхардов, с приглашением сейчас же присоединиться к компании в Эльберфельде. Мы вовсе не были склонны откликаться на этот зов, учитывая то, как с нами обошлись, и телеграфировали, что не можем приехать, не получив сначала полных объяснений от миссис Гебхард. Тогда пришла телеграмма от Гебхард, сообщающая, что это было особым пожеланием махатмы, чтобы мы приехали. Мы снова телеграфировали, что не можем приехать без дальнейших объяснений, но последовавшие телеграммы наконец убедили нас согласиться.

Всей семьёй Гебхардов мы были приняты очень тепло и сердечно; миссис Гебхард приехала в Кёльн встретить нас, а я получил через миссис Халловэй кое-какие записки от К.Х., о которых Блаватская по-видимому ничего не знала. Я и до сегодняшнего дня не понимаю внутренних причин всего произошедшего, но с Блаватской было что-то не так, состояние её ума было необычным и странным. Мы прибыли 1 октября, и скоро было решено, что Блаватская и Халловэй должны вернуться в Лондон. Они отправились пятого, и миссис Гебхард была рада, что они уезжают. Они слишком засиделись у Гебхардов. Конечно, первоначальное предупреждение не приглашать нас было работой «Старой дамы», но я никогда не мог вполне понять мотив — что ею двигало. Перед её поездкой в Эльберфельд у нас в Лондоне были из-за чего-то пререкания, и несомненно, Блаватская свободно пользовалась именем Учителя, чтобы вынудить Гебхардов отступить от своего тёплого дружеского отношения к нам. Но теперь всё это — древняя история, имевшая важность только тогда. Мы оставались в Эльберфельде до девятого, а потом вернулись в Лондон.

В дневниковых записях на следующие недели я нахожу упоминания «Внутренней группы» Лондонской ложи, но хотя мы тогда, похоже, придавали важность препирательствам со «Старой дамой» относительно её правил и работы, сейчас вряд ли стоит входить в подробности этих мелких неприятностей, даже если бы мне позволяла память (а это не так). Но похоже, тогда уже стали распространяться слухи о «скандале с Куломбами» в Адьяре, которому

было суждено позже принять столь гигантские масштабы. Мадам Блаватская и полковник Олькотт уехали из Лондона в начале ноября.

Теософическая деятельность продолжалась, и в тот месяц мы провели встречу в Квин Энн мэншнс. Эту беседу посетило много народа, а назревавшие неприятности, связанные со скандалом Куломбов, ещё не приняли определённой формы. Теософическое движение ещё имело силу первоначального импульса. Я принимал участие в разных встречах Общества Психических Исследований, но его руководство постепенно составляло план, который в конце концов вылился в отправку Р. Ходжсона в Индию для расследования обвинений Куломбов и свидетельств феноменов, произведённых Блаватской.

В то время по вторникам вечерами мы были дома, и наша гостиная всегда была полна друзей-теософов и гостей, которых они приводили с собой. На годовом собрании общества в январе 1885 г. я был выбран президентом, а президентство Финча было признано временной мерой, принятой, чтобы справиться с трудностями с миссис Кингсфорд. У нас были с ней столкновения, но со временем мы снова стали друзьями.

Через некоторое время мы стали часто видеть у себя Ледбитера, который изначально обратился ко мне благодаря прочтению «Эзотерического буддизма», будучи тогда не знаком со мной. Он часто приходил обедать к нам и оставался у нас на ночь, и с самого начала был настроен посвятить всего себя теософии. Когда мы познакомились, он был викарием Англиканской церкви, но решил бросить это занятие и отправиться в Индию. Я думаю, он сопровождал Блаватскую и Олькотта, когда они уехали в начале ноября^[7]. Мохини оставался в Лондоне и после их отъезда, будучи гостем Арундэйлов.

Теперь я перехожу к тому времени, когда скандал с Куломбами достиг своей кульминации. Ходжсон побывал в Индии и вернулся с очень неблагоприятным впечатлением. Он привёз с собой некоторые письма, по-видимому от Блаватской к мадам Куломб, очень сильно её компрометировавшие. Позже Блаватская утверждала, что какие-то части их были подделкой, но в марте мне их показывал м-р Маерс, и я не мог не признать почерк и стиль «Старой дамы». Отчёт Ходжсона, который вскоре опубликовало ОПИ, помимо писем касался и многих других вещей, но его попытка показать, что «святилище» было кабинетом фокусника, использовавшимся Блаватской для обмана, для

нас была совершенно неубедительной перед лицом опыта, который мы имели в Адьяре с этим знаменитым маленьким шкафчиком. Но сейчас у меня нет времени вдаваться в подробности, касающиеся яростных споров, возникших в связи с отчётом Ходжсона. Однако в результате Теософическое Общество было совершенно разбито и растворилось, пока в нём не остались лишь несколько верных последователей — Арундэйлы, Варли, Кийтли и некоторые другие. Но говоря это, я опережаю события, достигшие кульминации намного позже.

Лондонский сезон 1885 г. ещё застиг нас в вихре общественной деятельности, тогда как я всё глубже входил в бизнес м-ра Боттомли. Я вступал в это дело очень медленно и постепенно, но все предыдущие предприятия, в которых я участвовал, были очень успешными. Полный рассказ о моих кратких триумфах и последовавшем крахе будет удобнее изложить немного позже. В августе мы с женой нанесли визит к лорду и леди Нортвик в Рэйвенстоне — в Шотландии, где они жили, но нам там не понравилось, и мы были рады, когда он завершился. С леди Нортвик было непросто иметь дело, хотя её дочь Гэбриэл до сих пор, когда я это пишу (1912), осталась нашей близкой подругой. После возвращения оттуда мы сразу поехали за границу (наш сын Денни был оставлен у бабушки в Илфракомбе) через Брюссель к Гебхардам в Эльберфельд, где мы приятно провели время, но не произошло ничего особенного. В сентябре мы отправились в путешествие вверх по Рейну, затем в Гейдельберг, где в одной старой книге для посетителей замка я обнаружил инициалы, которые, как мне думается, принадлежат К.Х. Конечно же, там были не эти буквы — это были инициалы М.Е.К.В., и мы нашли их в книге за 1867 г. Я всегда был склонен считать, что Учитель останавливался в Гейдельберге примерно в то время.

Из Гейдельберга мы отправились дальше, в Нюрнберг, а затем в Вюртемберг повидать «Старую даму», которая уже покинула Индию и временно остановилась в том месте (на Людвиг штрассе, 6). Мне трудно объяснить её отъезд из Индии, но он имел какое-то отношение к беспокойству по поводу публикации отчёта Ходжсона. Полагали, что она находится в некоторой опасности из-за возможности юридического преследования и приехала в Европу спрятаться на время в каком-нибудь спокойном убежище. К тому времени Теософическое Общество в Европе заметно ужалось, и кроме нас её друзьями оставались очень немногие. Некоторые из её русских

родственников и знакомых тоже были в Вюртемберге, а среди них г-н Соловьёв, который притворялся её другом, но вскоре написал книгу, поносящую её как мошенницу.

Мы прожили в Вюртемберге с 21 сентября до 1 октября, когда мы снова отправились на несколько дней в Эльберфельд, а затем домой. В течение последовавшего месяца или двух имело место некоторое оживление интереса к Теософическому Обществу, и мы даже провели встречу в Квин Эннс мэншнс, где я прочитал лекцию о высшем Я, которая позже вышла в трудах Лондонской ложи под тем же названием («The Higher Self»).

К концу 1885 г. и некоторое время после у нас было немало беспокойств по поводу некой мадам Леонард, которая вступила в Общество и стала страстно флиртовать с Мохини. Здесь не стоит вдаваться в подробности, но она отправилась в Париж и объявила женщине, связанной там с нашим Обществом — мадам де Морсье, — что была им соблазнена. Последняя написала мне, порицая Мохини, который, как я считал, был полностью невиновен. Я до сих пор не уверен, что знаю истинное положение вещей, но я ответил ей, что не верю в историю, рассказанную мадам Леонард. Она очень неосмотрительно показала моё письмо мадам Леонард, которая обратила свой гнев на нас и начала судебный процесс против меня и моей жены, обвиняя в клевете. Всё дело в конечном счёте оказалось пшиком, но на время это держало нас в сильном раздражении и стоило мне некоторых расходов.

26 апреля 1886 г. я сделал в дневнике запись, важности которой тогда у нас не было возможностей осознать. После полудня мы пошли в клуб Эйблмарл попить чаю с девушками Стэкпол и встретиться с женщиной, которая, как мне сказали, желала со мной познакомиться. Я не привожу здесь её настоящего имени, хотя этот рассказ конечно же не будет опубликован при её жизни, потому что она долгое время играла очень важную роль в моей оккультной жизни, а в конце концов связалась узами брака с семьёй, представители которой могут быть ещё живы, когда мир увидит эти строки. Поскольку мы стали очень близки с ней вскоре после встречи, я назову её вымышленным именем Мэри.

В связи с нашей первой встречей не произошло ничего такого, что предвещало бы будущее развитие событий, но вскоре вместе с

друзьями, у которых она остановилась, она не раз побывала на приёмах, которые мы устраивали у себя в доме по вторникам, и в один из таких случаев я (по её желанию) попробовал с ней месмерический эксперимент и получил замечательные результаты — она очень легко входила в транс, в котором становилась определённо ясновидящей. Это было 1 июня, а на следующий день, в доме друзей, у которых она жила, я попробовал ещё, и с ещё более поразительным успехом, ибо я убедился, что она смогла увидеть ту область в Тибете, где жил Учитель К.Х. В течение следующих недель при всякой возможности мы повторяли наши месмерические сеансы, и стало очевидно, что Мэри может стать связующим звеном между мной и Учителем. Но эти опыты прервались из-за её возвращения домой, а она жила очень далеко от Лондона.

Осенний отпуск того года мы провели в Вентноре, где поселились Мэсси и куда также прибыли Стэкполы. Но перед тем, как присоединиться к своей жене, которая была уже там, я, кажется, посетил Е.П. Блаватскую в Остенде, куда она переехала из Вюртемберга. Я пишу «кажется», потому что не могу доверять своей памяти, если нет возможности прибегнуть к помощи дневника. А там я нахожу лишь упоминание моего отъезда в Остенд, но кроме того, я хорошо помню, что какое-то время был в Остенде со «Старой дамой», а она была тогда занята написанием «Тайной доктрины».

К тому времени я написал книгу «Случаи из жизни мадам Блаватской». Это была попытка восстановить её репутацию в ответ на нападки отчёта Ходжсона, опубликованного Обществом Психических Исследований. Она страстно желала, чтобы я что-то предпринял в её защиту, и мне показалось лучшим, что я могу сделать — это написать полный рассказ о её жизни, какой возможно собрать. Она полностью согласилась и делала всё, что могла, чтобы помочь мне в работе, которая была очень трудной, поскольку, мягко говоря, неточность всего, что она время от времени рассказывала нам о своей жизни, делала крайне сложным соединение этого в связный и непротиворечивый рассказ. Но эту задачу как-то удалось выполнить, и она была вполне довольна результатом, пока не обнаружила, что некоторые из её русских родственников были злы на неё за то, что она была так лояльна к британскому правлению в Индии. Она часто предупреждала своих индусских друзей не быть столь глупыми, чтобы

желать его смены на русское владычество, которое могло бы для них оказаться ещё более тягостным. Когда же выяснилось, что эти «Случаи из жизни» таким образом оскорбили её русских родственников, она разозлилась на эту книгу и часто называла её, по своему обыкновению вольно выражаться, «эти проклятые мемуары». Так что в целом я получил не много благодарности за эту большую работу. Не получил я и иного вознаграждения, поскольку, что здесь стоит упомянуть, ни одна из моих теософических книг не принесла мне заметной материальной выгоды. Хотя они оказали большое влияние на мир, их распространение никогда не достигало таких масштабов, чтобы принести существенные прибыли.

Рождество 1886 г. мы провели в Вентноре, а первые месяцы 1887, кажется, были полностью заняты общественными мероприятиями и теософическими собраниями. В марте в доме Арчибалда Кийтли, в Ноттинг Хилле, произошло важное совещание. Он, Бертрам Кийтли, м-р Хэмилтон, доктор Эстон Эллис и миссис Кенигэйл Кук (Мейбел Коллинз) желали переселить Блаватскую в Лондон. Я был против этой идеи из-за смутного чувства, что её приезд может привести к неприятностям, но она была осуществлена.

Тем временем 19 марта к нам приехала погостить Мэри и начались серьёзные месмерические сеансы с определёнными сообщениями от Учителя. Но всё это согласно его воле, держалось в полном секрете даже от наших друзей-теософов. В апреле Мэри временно оставила нас, чтобы погостить у своих старых друзей Мак-Колламсов, но по вечерам постоянно бывала у нас, и месмерические сеансы продолжались. Всё это время они касались больше её собственного развития, чем вопросов, особо интересовавших меня. Это развитие проходило на манасическом плане, и я был предупреждён — не задавать ей никаких вопросов, которые могли бы вовлечь её в астральные обстоятельства. В мае Мэри снова вернулась к нам, а через неделю или две куда-то уехала, но вернулась опять в июне, окончательно оставив нас в тот год, как мы думали, 23-го.

Блаватская в то время жила в Норвуде в доме, снятом для неё миссис Кук. Я часто её навещал. Её преданные друзья — оба Кийтли, Харботтл и другие в сотрудничестве с ней создали Ножу Блаватской Теософического Общества. Я был скорее далёк от всего этого энтузиазма, которым она была окружена, и был поглощён своей

работой с Мэри, вся информация о которой тщательно скрывалась от «Старой дамы» и её группы. В июле Мэри удалось вернуться к нам ещё на чуть больший срок, но примерно через неделю она нас покинула и вернулась домой.

Пожалуй, здесь будет уместно рассказать кое-что о ходе моих деловых отношений с м-ром Боттомли и разных компаниях, созданием которых он был занят. Дневник мне не сильно в этом помогает, но у меня сохранились достаточно ясные воспоминания об общем ходе событий, хотя я и не могу указать точных дат, как для тех событий, которых касается дневник. Так или иначе, до периода, к которому я сейчас подошёл, мои дела чудесно процветали. Я вкладывал деньги в компании Боттомли очень осмотрительно, но все эти вложения блестяще окупались. За небольшим предприятием, изданием «Дибэйтора», о котором я упоминал ранее, последовало соглашение с печатниками, находившимися на Кэтрин стрит, на Стрэнде, в которое вошёл Боттомли, образовав Издательскую ассоциацию Кэтрин стрит, где я стал директором, приведя туда своего недавнего знакомого Кигэна Пола. Компания процветала, и я стал крупным акционером — отчасти благодаря фактическим инвестициям, а отчасти благодаря переуступкам разных видов, сделанным для меня Боттомли. Также я вкладывал деньги и в предприятия, к которым он не имел отношения — в посудную компанию, которая в конечном счёте стала бедствовать, и в Уэльскую золотодобывающую компанию, вложения в которую оказались таким же разочарованием. Но предприятия Боттомли некоторое время шли великолепно. По его совету мы, директора Издательской ассоциации Кэтрин стрит, приняли участие в тендере на печать парламентских дебатов Хэнсарда^[8] и выиграли его, получив правительственный контракт. Это оправдало реорганизацию нашей компании, чтобы она приобрела значительно большие масштабы, и был образован Хэнсард Юнион с огромным капиталом, который был собран по трём публичным подпискам. Это было огромное слияние нескольких огромных издательских фирм, и долгое время союз процветал. Но это стимулировало соперничество. В Сити был запущен план по созданию нового издательского союза по схеме, аналогичной нашей. Боттомли настоял на нашем слиянии с ними, и это было осуществлено, но этот огромный бизнес уже не мог должным образом управляться. Трудно понять, как он попал в беду, но огромный объём

заёмных обязательств удерживался некой компанией Дибенчюр Корпорэйшн, и это привело к краху союза. Вся его собственность была захвачена держателями обязательств, а его акции, огромное количество которых у меня было, обесценились.

Здесь нет необходимости входить в подробности, да это и невозможно для меня по прошествии времени (я пишу в 1912 году), но в 1890 г. наступил крах, и я был полностью разорён. Боттомли тоже разорился и стал объектом яростных уголовных преследований, из которых после долгих судебных процессов всё же вышел невредимым. Через несколько лет ему помогли начать новое дело, для которого друзья нашли ему капитал, и он сумел воспользоваться внезапным бумом, связанным с австралийской золотодобычей. Он создал много компаний и благодаря огромным прибылям от их продвижения снова стал миллионером — на бумаге. Он был очень щедр по отношению ко мне и передал мне акции, которые в то время реально стоили около 8000 фунтов.

Промежуточный период был для нас ужасным, самое сильное беспокойство причинил иск против директоров Хэнсард на огромную сумму, превышавшую ту, которая была у всех нас вместе взятых. В суде, где дело слушалось первый раз, оно было решено не в нашу пользу, и перед нами встала отвратительная перспектива формального банкротства. Помню, как через день или два после этого неблагоприятного вердикта я получил письмо от Мэри, из которого, когда я его открыл, выпал крошечный кусочек полупрозрачной бумаги, на которой, подняв её, я обнаружил слова «смелость и надежда», написанные знакомым почерком К.Х. Вскоре этот обнадеживающий намёк оправдался противоположным вердиктом апелляционного суда. Так что страхи банкротства были рассеяны.

Тем не менее, напряжение в течение нескольких лет было очень серьёзным, и мне, чтобы свести концы с концами, приходилось очень много работать над написанием статей для индийских газет. Когда наконец Боттомли дал мне австралийские акции золотодобычи, казалось, что наше положение снова стало комфортным, но ситуация оказалась обманчивой. Я реализовал часть этих бумаг; их можно было бы продать все, если бы я подозревал опасность, в которой они находились, но всё выглядело так, что они, скорее, должны были вырасти в цене. Силы, контролировавшие мои дела, были тогда

неизменно эффективны в том, чтобы направлять меня к неверным действиям. Однажды я продал кое-какие имевшиеся у меня акции за 1200 фунтов. Друг, которому я глубоко доверял как человеку чести, занятый совершенствованием своего изобретения, от которого ожидали больших результатов, знал об этом и попросил меня одолжить 500 фунтов. Он считал, что обязательно сможет вернуть этот долг через несколько месяцев. Но его ждало разочарование и в конечном счёте он разорился, и так никогда и не смог отдать долг. Другие 500 фунтов ушли на выполнение того, что я считал нравственным обязательством по отношению к другому человеку. Здесь не стоит излагать подробности, но деньги были потеряны. Никакое законное требование не обязывало меня к этому, но мне казалось, что правильно будет поступить именно так. Со временем бум в западной Австралии сменился резким спадом, и акции, которыми я владел, превратились в ничего не стоящие бумажки.

Среди ударов, которые мне пришлось испытать за долгий период бедственного финансового положения, был и один, не имевший отношения к биржевым спекуляциям. Когда я уехал из Индии, владельцами «Пайонира» был намечен приблизительный план основания офиса в Лондоне для него и «Сивил энд милитэри газетт». Мне было предложено в случае осуществления этой идеи управлять им. В конце концов было решено этим заняться и мне было поручено всё устроить. Я должен был получать жалованье в 500 фунтов, что было тогда для меня манной небесной, поскольку неприятности с Хэнсардом уже начались. Я сделал всё необходимое для учреждения офиса — нашёл подходящее помещение, нанял персонал и наладил работу, но со временем руководство этим офисом сделалось столь лёгким и приятным, что сэр Джордж Аллен, который выкупил настолько существенную долю в «Пайонире», чтобы стать управляющим собственником и поселиться теперь в Лондоне, решил, что он сможет взять руководство лондонским офисом на себя. Так что он снял меня с этой должности, чтобы выполнять эти функции самому. В то время это для меня был жестокий удар, поскольку зарплата для меня стала столь важна, и положение было курьёзным, поскольку я был уволен не за то, что как-либо не выполнил порученных мне задач, а по совершенно противоположной причине. Я сделал место, которое занимал, слишком удобным; я выполнил свою работу слишком хорошо. Но закон, управлявший в то время моей жизнью, был удивительно однообразен в своём действии.

Мне пришлось пройти через долгую и бедственную борьбу, и хотя нам удалось удержаться на Лейнстер Гарднс, куда мы переехали как раз перед крахом, в течение пятнадцати лет, нам никогда, за исключением краткого промежутка, о котором я упомянул, не удавалось освободиться от изнуряющего беспокойства, связанного с денежными вопросами.

Теперь я вернусь к главной нити своей истории, больше не прерывая её рассказами о ходе моих деловых предприятий.

* * *

Позже я узнал, что вся эта серия неудач, кульминировавшая в наше полное разорение, не имела (как мы тогда думали) кармического характера. Это была колоссальная «чёрная атака», результат тщательно

проработанного сатанинского плана, идея которого была в том, чтобы отвратить мою жену и меня от наших Учителей — чтобы мы разозлились на них за то, что они не спасли нас от разорения, и бросили в дальнейшем всю теософическую работу. Поскольку мы вынесли страдания, не сделав этого, разорение обратилось в суровое испытание, которое мы успешно прошли, с соразмерными результатами на духовном плане, имевшими важный характер.

* * *

В октябре 1887 г. Е.П. Блаватская переехала из Норвуда на Лэнсдаун роуд, 17, в Ноттинг-Хилле, в дом, который был снят для неё, как я думаю, Арчибалдом и Бертрамом Кийтли. Скоро его наполнили толпы посетителей, и мы с женой часто ходили туда по вечерам. Но между нами и Блаватской постепенно развилась какая-то напряжённость. Мы не вполне разделяли восторженное отношение небольшой группы, составлявшей её непосредственное окружение.

В феврале 1888 г. Мэри снова приехала пожить у нас, и наши месмерические сеансы возобновились. Мы устраивали их почти каждый вечер, и в большинстве случаев через неё со мной говорил Учитель. Так я получил много разнообразной оккультной информации. У Мэри было огромное желание видеть Блаватскую, но Учитель поначалу не одобрил этого, так как не хотел, чтобы последняя каким-то образом познакомилась с нашими приватными занятиями. Если бы она узнала об этом, это могло бы повредить их развитию. Однако наконец было дано разрешение в определённый вечер отправиться к ней, предприняв необходимые меры предосторожности, но С.Д. не обратила на Мэри никакого внимания, совершенно не подозревая о её свойствах.

В марте мы получили великолепный подарок — книги от миссис Этвуд, автора «Многообещающего исследования герметических мистерий». До того времени я никогда не встречался с ней, но она писала мне, потому что читала мои книги, и сказала, что у неё есть значительная библиотека по оккультным предметам, собранная её отцом д-ром Саутом, её покойным мужем и ею самой, и она не хотела бы, чтобы после её смерти библиотека оказалась рассеянной. Сама она была уже в очень преклонном возрасте и закончила изучение. Она предпочитала, чтобы книги были у меня, чем позволить им быть

распроданными по частям. Конечно, я с благодарностью принял это предложение, и книги были переданы вместе с очень красивым книжным шкафом, содержащим самые важные из них. Забегая вперёд, скажу, что, когда в 1908 г. моё домашнее хозяйство развалилось из-за смерти моей любимой жены и я был озадачен, что делать с ними, в конце концов я подарил всю коллекцию м-ру Скотту Эллиоту, чувствуя, что в его руках, в Арклтоне, его семейном гнезде в Шотландии, коллекция во всяком случае сохранит свою целостность.

Всё это время я непрерывно выступал с лекциями в разных местах. Ради поощрения издания теософической литературы я вложил кое-какие деньги в издательский бизнес Дж. У. Рэдвэя, находившийся тогда на Йорк стрит, Ковент-Гарден. Это сделало меня его партнёром, но в делах со мной он всегда оказывался прям и честен. Я снял комнату в доме, где находился его бизнес, для Лондонской ложи Теософического Общества, и время от времени мы проводили там встречи и лекции и собрали несколько книг. Рэдвэй стал издателем журнала Блаватской «Люцифер», и это привело к курьёзному инциденту, временно увеличившему дистанцию между ею и мной. Она была под впечатлением, — совершенно ошибочным, — что Рэдвэй нечестно вёл с ней дела, и при поддержке обоих Кийтли и других подала на него иск на сумму около 30 фунтов, не беря во внимание тот факт, что поскольку я был его партнёром, иск получился в такой же мере против меня, как и против него. Когда дело слушалось в суде графства (а дошло и до такого), решение было вынесено полностью в пользу Рэдвэя, и группа с Лэнсдаун роуд была очень зла на меня за то, что я его поддержал. За этим последовали дальнейшие неприятности, раздутые, как мне кажется, В.П. Мелиховской (сестрой Блаватской), которая примерно в то время была в Лондоне, и связанные с адресованными мне письмами некоего Пфаундса, содержащими оскорбления и угрозы. Этот человек, которого я никогда не видел, считал себя защитником Блаватской от моего якобы неуважительного к ней отношения. У меня была переписка с ней на тему очень недружелюбного ко мне отношения, и наше общение на время было полностью прекращено.

Мэри оставила нас, отправившись к себе домой в мае 1888 г., но пока она была с нами, почти каждый вечер мы проводили месмерические сеансы, во время большинства из которых со мной

разговаривал Учитель, или, вернее, диктовал ей то, что он хотел сказать. Она для этого переходила в более высокое состояние, в котором могла быть в контакте с ним и повторять его слова в ответ на мои вопросы или замечания.

Осенью мы с женой совершили очень приятное путешествие в Швейцарию, заехав и в Понтрезину в Энгадине, завершив его визитом в Эльберфельд к Гебхардам. Домой мы вернулись приблизительно в конце сентября.

В октябре Мэри под руководством [Учителя] написала нам, что было бы мудро нам снова наладить дружеские отношения со Старой Дамой, что мы и сделали, пригласив её на обед. Она пришла, но в декабре, когда была опубликована «Тайная доктрина», ситуация снова стала немного более напряжённой.

В начале той книги было (и есть в более новых изданиях) нечто вроде нападок на «Эзотерический буддизм», в которых предполагается, что я неверно понял доктрину Учителя касательно Марса и Меркурия. Блаватская считала, что эти планеты не являются частью нашей цепи и утверждала, что выясняла этот вопрос у Учителя и получила в ответ письмо, по-видимому подтверждавшее её взгляды, части которого она опубликовала в «Тайной доктрине». Я могу тоже дать полный отчёт об этом инциденте, хотя эта история тянулась порядочно долго. Я знаю, что в первоначальном толковании Учителя касательно Марса и Меркурия не было никакой неясности, к тому же, читая приведённые в «Тайной доктрине» выдержки из письма, я был озадачен смутным чувством, что это письмо где-то уже видел. Позже это с подвигло меня просмотреть ранние письма, которые я конечно же тщательно хранил, и я нашёл это письмо, также обнаружив к своему удивлению, что С.Д. решила пропустить некоторые части, исказив его так, что оно стало выглядеть так, как будто поддерживало её взгляды, хотя в действительности там ничего такого не утверждалось. Однако я воздержался от раздувания этого дела, будучи уверен Учителем, что мне не нужно об этом беспокоиться, и что объяснение о Марсе и Меркурии в «Эзотерическом буддизме» было совершенно верным.^[9]

В тот период, когда мы виделись с Блаватской очень мало, она познакомилась с Анни Безант, которую покорила полностью. В Безант

имелись какие-то права на дом на Авеню роуд в Сент Джонс Вуд, и туда Блаватская и её домашние в конце концов и переехали.

Тем временем меня теребили письмами со всего мира, спрашивая — как же это так вышло, что я сделал такую необычайную ошибку насчёт Марса и Меркурия, и мне показалось желательным сделать публичное заявление об истинных фактах касательно искажённого письма.

Пожалуй, я должен здесь объяснить, как копия того письма попала в руки Блаватской. Когда мы вернулись из Индии, группе серьёзно настроенных людей, собравшейся вокруг нас, было очень интересно узнать всё, что я мог рассказать о своей переписке с Учителем. Я прочитал им оригиналы некоторых из писем, и они просили разрешения сделать для них копии. Я переадресовал эту просьбу Учителю, и он решительно отказался давать разрешение. Эти письма, указал он, были предназначены для моего личного наставления, и их нельзя понять правильно, не читая вместе с моими письмами к нему, копий которых у меня не было. Но жажда иметь эти письма не утихала, и примерно через год я снова попросил разрешения на копирование некоторых писем. Разрешение было дано неохотно и при условии, что всякий человек, которому я дам копии, должен дать мне торжественное обещание, что не будет никому их передавать. Одной из тех, у кого были копии, была мисс Арундэйл. Когда долгое время спустя Блаватская приехала в Англию и остановилась у Арундэйлов, она, по-видимому, услышав об этих копиях, приказала мисс Арундэйл дать их ей. К тому времени мисс Арундэйл была страстно ей предана и считала, что её воля важнее святости первоначального обета. Эти копии были переданы Блаватской, и многие из них к моему глубокому сожалению попали в печать в Америке и других местах.

Вернёмся к изложению событий. Наконец я решил, что должен взять оригинал этого письма, которое столь странно использовала Блаватская в «Тайной доктрине», на встречу теософов на Авеню роуд и раскрыть всё дело. Я даже пошёл на это собрание с письмом в кармане и всё же не сделал разоблачения. Я полагаю, что находился под влиянием, удержавшим меня от этого. Вернувшись домой, я положил письмо обратно в ящик, где хранились и остальные.

В другой раз, в то время, когда у нас была Мэри, раздражение в связи с противоречием утверждений в моей книге и книге Блаватской,

усилилось, и я ещё раз решил, что нужно раскрыть правду. Я стал искать в ящике это важное письмо, но не нашёл его. Моя жена и Мэри пришли мне на помощь и просмотрели всё содержимое ящика по одному листочку, пока им не стало ясно, что нужного письма там нет. Я откровенно спросил Учителя, не было ли оно изъято оккультными средствами, и он сказал, что не хотел бы отвечать на этот вопрос. Потому у меня была причина быть уверенным в том, что Блаватская фактически похитила письмо путём использования оккультных сил, и этот случай свидетельствует о её высоких способностях как мага, но не о её нравственных принципах.

Когда через много лет Безант и Ледбитера, в связи с развитием их собственных психических способностей, оказались в состоянии подтвердить ту роль, которую Марс и Меркурий играют в развитии человечества, А. Безант, будучи тогда редактором «Люцифера», опубликовала заявление в оправдание действительных фактов, но к сожалению, современные издания «Тайной доктрины» всё ещё запятнаны тем скандальным высказыванием на эту тему.

Мэри вернулась к нам в феврале 1889 г., и наши месмерические сеансы возобновились. Ни дневник, ни моя память не позволяют мне дать насколько-ни будь подробного отчёта о наших беседах с Учителем или с «Ней», как мы стали называть высшее Я Мэри (этот термин был навеян романом Райдера Хаггарда). Но все они внесли вклад в подготовку разных выпусков «Трудов Лондонской ложи», сыгравших такую важную роль в расширении наших теософических знаний. Мэри очень неохотно подчинилась полученному ею призыву вернуться домой и в середине мая оставила нас. Сразу же после этого мы отправились в Саутси, поскольку моя жена нуждалась в перемене атмосферы после очень беспокоившей нас болезни — приступа герпеса, продержавшего её в постели почти две недели. Возвратившись через неделю или две, мы вернулись к нашей довольно активной общественной жизни, и наши вечерние приёмы по вторникам были многолюдны, как обычно.

В осенний сезон отпусков мы опять отправились в Саутси, где пробыли несколько недель. Вместе с полковником Гордоном мы арендовали яхту и постоянно выходили в море, одни или с друзьями. Затем, по возвращении в город, мы отправились в Париж — увидеть великую французскую выставку и только что построенную тогда

Эйфелеву башню. Во время пребывания в Саутси мы на день отправились в Кембридж, где нас очень привлёк выставленный на продажу дом под названием Вэст Клифф. Тогда у меня был достаток средств, так как Хэнсард Юниен был на пике своего процветания, и мы серьёзно думали о покупке этого дома, но по неким непостижимым для меня причинам мы получили письмо от Мэри, вдохновению которой полностью доверяли, в котором она определённо отвергала эту идею, так что мы оставили её. Я всегда об этом жалел, так как когда настал финансовый крах, этот дом, стоивший 1800 фунтов, спас бы соответствующее количество наших средств.

* * *

Совсем недавно (я добавляю это примечание в 1914 году) я узнал от Учителя, что причина неодобрения покупки этого дома была в том, что атаковавшие меня силы тёмных вознамерились меня утопить, а я, поселившись на острове Уайт, в силу своей любви к морю обязательно бы завёл себе парусную лодку. Похоже, я был целью множества таких нападений, большинство которых (всегда, когда они действительно угрожали моей жизни) были отражены силами Белой Ложи.

* * *

Тут были сделаны приготовления к тому, чтобы принять у нас дома Ч. Ледбитера, который должен был приехать со Шри Ланки (где жил в очень жалких условиях), чтобы стать наставником нашего сына Денни, мальчика 12 лет. Он весьма охотно принял это предложение, но на пути к его осуществлению стояла одна трудность. Учитель поручил ему принять на себя заботу об одном шриланкийском мальчике, с которым он был кармически связан, и он не мог вернуться в Англию, не взяв его с собой. Поначалу мы отвергали эту идею, но ради Учителя согласились на это, поскольку в его план, очевидно, входило, чтобы Ледбитер дал мальчику образование. Этого мальчика, примерно такого же возраста, как и Денни, звали Курумпусалледжа Джинарадхадаса, и вскоре для удобства его имя сократили до Раджа.

На меня произвёл большое впечатление случай, произошедший вскоре после того, в январе 1890 г., когда совершенно неожиданно, приехав в Лондон с компанией других друзей, к нам зашла Мэри. Я старался никогда не говорить Ледбитеру ни слова о наших занятиях с

ней. Он был в гостиной с моей женой, когда Мэри, мимоходом поговорив со мной в библиотеке, бросилась вверх по лестнице и ворвалась к ним. Через несколько минут Ледбитер спустился ко мне в очень возбуждённом состоянии. «Вы знаете?» — спросил он. Я понял, что он имел в виду, и ответил «да». Он увидел сияние необычайной ауры Мэри и сразу же признал в ней человека, далеко продвинувшегося в оккультизме. Мэри приехала к нам жить 8 февраля, и наши месмерические сеансы возобновились. В дневнике я нахожу частые записи о лекциях, с которыми я выступал в домах разных друзей и других местах.

В тот период Учитель дал мне через Мэри множество сведений о моих египетских жизнях, предшествовавших римской, и я могу воспользоваться возможностью, чтобы немного рассказать о первой из двух, имевшей место за 1900 лет до второй, что можно отнести к XIX династии. В той ранней жизни я был солдатом и был замечен в компании с Ледбитером, тоже солдатом. Мы поднимались вверх по реке, участвуя в походе, отправленном с целью подавить какой-то бунт. В городе, в который нас послали, мы вели сильные бои, и среди прочих захватили в плен молодого человека, которому было суждено стать Учителем. Я думаю, что мне как-то удалось сделать так, чтобы он не был убит. По нашем возвращении в Фивы этот пленник был передан в качестве раба одной женщине (в которой опознали Мэри), которая была к нему очень добра и обеспечила ему какую-то должность в Храме. Девушку, тоже привезённую вместе с пленниками (которая в этой жизни оказалась моей женой) отдали мне в качестве дополнительной жены (полигамия в то время была делом обычным). Вторая моя египетская жизнь была описана в начале этой автобиографии.

В этот раз Мэри оставалась у нас до конца мая. Ближе к концу июня мы с женой съездили на неделю в Париж; эта поездка была связана с одной из компаний Боттомли, с которой я был связан, и которая пришла на смену «Галигуани Мессенджеру». Это оказалось ужасающей неудачей в конце, когда наступил общий крах. В июле мы на время отправились в Кембридж, остановились в отеле Спитхед и стали искать ещё дома на острове Уайт. Один из них, под названием «Ивовый берег», особенно нас очаровал, но мы так никогда и не собрались его купить. Я вернулся в Лондон. Моя жена присоединилась

к Ледбитеру, мальчикам и мисс Арундэйл, жившим в сельском доме на Саутхэмптонском заливе, но в августе вернулась ко мне в Лондон. Затем мы опять отправились в Швейцарию — сначала в Люцерн, затем в Уши, Лозанну, и наконец, в Шамони. Там мы остановились на некоторое время, и швейцарский воздух достаточно укрепил мою жену, чтобы она могла совершать долгие прогулки по окрестным возвышенностям (иногда на части пути используя мула). Сам я совершил свой самый долгий альпийский поход, поднявшись на Гран Мулет.

Это было приблизительно на пике моего иллюзорного процветания. В декабре мы решили снимать другой дом и 31 числа переехали на Лейнстер Гарднс, 27. А в январе 1891 г. начались серьёзные неприятности, ход которых я уже описал.

Мэри в январе приехала в Лондон, а в феврале приехала жить к нам, и наши обычные месмерические сеансы возобновились. Несмотря на наше внутреннее мрачное настроение, общественные дела продолжались и на наши приёмы по вторникам приходили толпы посетителей.

Мы не были в тесном контакте с жившими на Авеню роуд, и судя по дневнику, мы слышали о смерти Е.П. Блаватской на следующий день, 9 мая. 11-го я присутствовал на кремации в Уокинге. Мэри тогда нас покинула, уехав домой ещё 2 мая. В этот год мы не позволяли себе никаких дорогостоящих путешествий, но постарались извлечь максимум из поездок в Саутси; то же самое повторилось и в следующем, 1892 г., в начале которого нас очень беспокоили болезни. У жены началось какое-то заболевание, поразившее её ноги и руки так, что она не могла стоять и долгое время была прикована к постели, и в тот же период наш сын Денни тяжело заболел корью и едва избежал летального исхода, которого вполне ожидал врач. Однажды я просидел с ним до двух ночи, а затем меня выручила Мэри, бывшая тогда с нами. Позже она сказала, что около 3:30 пришёл Учитель и сделал что-то, что отвратило опасность. После этого мой мальчик стал быстро поправляться, и когда моя жена тоже достаточно выздоровела, мы все отправились в Саутси для перемены атмосферы. Мэри нас сопровождала. В тот раз меня очень заинтересовали иногда происходившие у неё проявления способностей к ясновидению. Незадолго до этого, в Лондоне, я взял её с собой на военно-морскую

выставку в Эрлс корте, одной из достопримечательностей которой была полноразмерная модель корабля адмирала Нельсона «Виктори» с восковыми фигурами, изображавшими падение Нельсона от выстрела и его смерть. Это не произвело на неё какого-либо большего впечатления, чем могла произвести картина, но, когда в Саутси я взял её на борт настоящей «Виктори», чистой и отполированной, как с иголки, она едва могла находить себе путь по палубе. Перед её астральным зрением предстала вся сцена той битвы, и она видела, что вся палуба залита кровью.

Должно быть, вскоре после нашего возвращения из той поездки мы образовали группу из наиболее серьёзных учащихся лондонской ложи, предназначенную для особой работы, в которой Учитель взялся нам помочь. Долгое время, примерно до того момента, мы держали способности и развитие Мэри в секрете, но этой группе они стали известны. В группу входил граф Бубуа (сам наделённый психическими способностями и находившийся в контакте с Учителем, махатмой Морья), Скотт Эллиотт, мисс Арундэйл, мистер и миссис Варли, ещё один или два человека, и конечно же, Мэри и Ледбитер. Документы, приготовленные для просвещения этой группы, были очень интересны и положили начало «Трудам Лондонской ложи», которые стали часто публиковаться.

В этот год Мэри оставалась у нас до начала июня. Здоровье моей жены было хрупким, и по желанию врача, после того, как Мэри оставила нас, мы на две недели отправились в Рамсгэйт. Некоторое время я зарабатывал на жизнь в качестве управляющего издательской компании Кигэна Пола — одного из предприятий Боттомли, которое в отличие от большинства других не пришло к полному разорению, но много лет влачило бесприбыльное существование; я также много писал для индийских газет, это была тяжёлая работа. В июле моя жена отправилась с Арундэйлами на ферму на Саутхэмптонский залив, а я — в путешествие на Нордкап на одном из норвежских пароходов с парусным оснащением. На обратном пути я свалился с очень серьёзным воспалением горла, что заставило меня день или два пролежать в гостинице в Копенгагене, но снова был в порядке и вернулся домой через Гамбург на одном из германских пароходов, который направлялся в Америку, но заходил в Саутгемптон. Моя жена в то время была в Саутси, и я присоединился к ней там.

По возвращении домой мы предприняли попытки найти более дешёвый дом, но в конце концов агент, представлявший владелицу Лейнстер Гарднз, согласился дать нам значительную скидку, так что мы остались.

В 1893 г. Мэри приехала к нам раньше обычного, в конце января, и, хотя наши месмерические занятия, встречи группы и другая теософическая деятельность проходили в таком же объёме, как обычно, а Мэри и моя жена постоянно заболели так или иначе, в апреле произошло захватывающее событие. Мэри под срочным давлением своего высшего «я», которое мы называли «Она», решила вступить в брак. Поскольку в этом рассказе я скрыл её настоящее имя, я должен скрыть и имя человека, который должен был стать её мужем, и о многом, связанном с этой помолвкой, я не могу свободно говорить. В своём бодрствующем сознании Мэри относилась к замужеству с сильной неохотой, но она была вынуждена на это согласиться. Насколько я мог заключить, когда она была в трансе, сам Учитель отказался как-либо вмешиваться в это дело. Её будущий муж был человеком, о котором мы с женой были очень высокого мнения, один из наших самых близких друзей теософов, но мы чувствовали, что этот брак положит конец тем условиям, которые до сих пор определяли наше общение с Мэри.

Она уехала от нас домой в июне, но снова была с нами в сентябре и вышла замуж, уехав из нашего дома во вторник 10 октября 1893 г. Последствия этого брака были странными и непредвиденными, и вместо того, чтобы доставать из дневника маленькие случаи один за другим по мере развития событий, будет удобнее разобрать это дело полностью.

Некоторое время в наших отношениях с Мэри не было заметно никаких разительных изменений. Её муж сам никоим образом не противодействовал сохранению её прежнего положения. Иногда она приходила к нам пообедать, провести сеанс и переночевать. Я иногда навещал её в её новом доме и месмерически оказывал ей помощь, если она плохо себя чувствовала. Но постепенно я стал замечать, что по мере того, как её бодрое вхождение в новую жизнь становилось более очевидным, её прежний интерес к встречам лондонской ложи и моим лекциям стал затухать. Она могла пропускать их ради развлечений в обществе, тогда как раньше они были для неё важнее всего прочего.

Затем она стала проявлять озабоченность, чтобы скрыть свою связь с теософией от родственников своего мужа (за исключением его сестёр, которые сами были искренне к ней привязаны). Я должен объяснить, что её муж был очень обеспеченным и был тесно связан с очень богатой семьёй. Он, что всегда нужно понимать, готов был пожертвовать всем ради теософии, но его преданность была сосредоточена на его жене, чей психический дар и духовное развитие (на момент брака) завоевали его безусловную верность.

Изменения в отмеченном мною направлении шли медленно, но верно. Обстоятельства, которые я припоминаю, позволяют мне определённо установить дату окончания моих прежних отношений с Мэри. Это был 1898 год. Внешне мы оставались близкими друзьями, но оккультная связь затухала по мере того, как Мэри становилась всё больше поглощена мирскими интересами своей супружеской жизни. Поначалу я был рад тому, что её брак оказался намного более счастливым, чем она ожидала, но в этих изменениях был оттенок печали. И это привело к некоторой напряжённости между ею и моей женой, чья безусловная преданность высшей жизни сделала для неё почти нетерпимым откат Мэри. Мэри, когда была с мужем, могла спонтанно входить в состояние транса и говорить с ним, как казалось, с прежнего уровня её «Я». Но у нас с женой началось недоверие к её сообщениям, о которых мы слышали. Что касается меня, то после 1898 г. у меня уже не было с Мэри никаких сеансов прежнего характера, и не было ни малейшего проблеска, напоминавшего сообщения, полученные от Учителя.

Мои личные тёплые отношения с Мэри продолжались, не разорвавшись, так сказать, на поверхности, но их оттенок как-то изменился, хотя во время кризисов они возрождались, как например после ухода из этой жизни моей дорогой жены в 1908 г., когда сочувствие Мэри моей печали было ярким и прекрасным. Но чуть позже развитие событий приняло ужасный оборот. Чтобы это объяснить, я должен сразу разобрать кризис в делах Теософического Общества, связанный с Ледбитером, — кризис, который случился в 1906 г.

В предшествовавшие этому несколько лет Ледбитер путешествовал с лекциями, главным образом, в Соединённых Штатах. Многие люди в Америке решили воспользоваться, как они считали, благоприятной

возможностью — вверить своих сыновей его заботе. В конце концов стали распространяться ужасные слухи, что его отношения с этими мальчиками имели преступный характер. Некоторые поверившие в них стали с негодованием упорно раздувать это дело. Обратились к Безант и Олькотту. Стала нарастать очень неприятная переписка, которая не была по-настоящему опубликована, но распространялась в машинописных копиях. Полковник Олькотт, бывший тогда в Европе, приехал в Лондон, чтобы разобраться с этим делом, и созвал большой неформальный комитет, который он назвал «консультативным советом», чтобы обсудить, что же нужно сделать. Ледбитер присутствовал на собрании, рассмотрение дела на котором было крайне неприятным. Он честно признал, что дабы спасти мальчиков от сексуального желания к противоположному полу, что он считал большим злом, он научил их тому, что обычно называют самоудовлетворением. Перекрёстный допрос со стороны членов совета, настроенных крайне враждебно, заставил его рассказать обо всех подробностях его наставлений, определённо тошнотворных, хотя конечно же, он с негодованием отвергал все предположения, что он совершил уголовное преступление.

С первого же момента, когда он обнаружил, что представляет опасность для Теософического Общества, он вручил полковнику Олькотту заявление о выходе, и вопрос, который должен был решать консультативный совет, состоял в том, принять ли это заявление о добровольном выходе или официально исключить Ледбитера из Общества. Я внёс поправку, смягчавшую жёсткую резолюцию, предложенную самыми ожесточёнными противниками Ледбитера, и в конечном счёте это было принято. Ледбитер отошёл от дел, и, хотя Общество несомненно получило удар, никаких дальнейших разрывов сразу же за этим не последовало.

В феврале 1907 г. Олькотт умер в Адьяре, и я получил от находившейся тогда там миссис Руссак письмо, где описывалось явление Учителей возле кровати, где лежал умирающий. Мы с женой не поверили в подлинность этих явлений, хотя информация, полученная мною от Белой Ложи за последние год или два, показывает, что эти сообщения имели больше оснований, чем мы тогда полагали.

По правилам Общества я, как вице-президент, стал наделён президентскими полномочиями до избрания нового президента. Возникли некоторые обескураживающие проблемы. В письмах из Адьяра меня убеждали делегировать свои полномочия кому-то из находящихся на месте. Казначеем, д-ром Дэвидсоном, был предложен Бертрам Кийтли, тогда как Анни Безант по телеграфу просила меня выдвинуть её. Она, согласно отчёту миссис, Руссак о феноменальных явлениях Учителей, была назначена новым президентом, и похоже, в Адьяре воцарилось смятение. Не веря в предполагаемые явления, я не считал верным уступать её предложению, тогда как назначить Бертрама Кийтли, который был сильно против неё настроен по причине блокирования с самыми яростными врагами Ледбитера, представлялось мне оскорблением по отношению к ней. Так что я принял средний курс и телеграфировал, что наделяю имеющимися у меня полномочиями д-ра Дэвидсона.

Затем были проведены так называемые «выборы» президента, но иной кандидатуры, кроме Безант, выдвинуто не было, и Обществу просто предложили одобрить её или отклонить. Таким образом, процедура была несколько неправильной, но голосов в поддержку оказалось значительное большинство, и таким образом назначение Безант было подтверждено. Я не мог и не могу ничего сказать против такого результата, как бы он ни был достигнут. Анни Безант в большинстве отношений оказалась исключительно подходящей для роли лидера теософического движения. Она, однако сделала то, что я счёл и считаю большой ошибкой. Она пригласила Ледбитера вернуться из своего изгнания и присоединиться к ней в Адьяре, используя всё своё влияние, чтобы убедить Генеральный совет пригласить его обратно в Теософическое Общество. Это действие с её стороны вызвало в Обществе неистовый шум, и начались выходы из него во всех направлениях.

Между мной и Безант развилось чувство напряжённости. Поначалу, после подтверждения её в должности президента, она вновь выдвинула меня в качестве вице-президента, но после написания статьи под названием «Злоключения теософии» («The Vicissitudes of Theosophy»), опубликованной мною в журнале «Броуд व्यюз», она обиделась и официально потребовала, чтобы я ушёл в отставку. Я согласился, и долгое время наши отношения были заморожены.

Возможно, отношение Безант к Ледбитеру можно объяснить следующим образом. В июне 1894 г. по её просьбе она была допущена на встречи нашей группы лондонской ложи. К тому времени её психические способности ещё не были развиты. Одним из важнейших элементов нашей группы был Ледбитер, вторым, конечно, Мэри. Мне удалось обеспечить ему место в лондонском офисе «Пайонира», и так он зарабатывал себе на жизнь. Я не знаю, как возникла эта идея, но вскоре после того, как Безант присоединилась к нашей группе, через Бертрама Кийтли ему поступило предложение оставить это место, поселиться на Авеню Роуд и помогать проводящийся там работе. Ему предполагалось платить жалование, на которое он был бы способен прожить. Оба Кийтли были людьми достаточно обеспеченными, и вместе с некоторыми другими готовы были это гарантировать. Ледбитер заявил, что оставит решение за мной. Мне было очень жаль на это соглашаться, но я хорошо знал, что самому Ледбитеру очень понравилось это предложение, и решил не стоять у него на пути и согласился.

Думаю, что близкая дружба, завязавшаяся между ним и Безант во время его жизни на Авеню роуд, значительно стимулировала развитие её психических способностей, и благодаря общему опыту на высших планах они стали соединены очень искренней симпатией. Я не сомневаюсь, что затем, когда Ледбитер уехал за границу и годами был в Америке и Австралии, Безант очень остро переживала разлуку с близким другом, и став президентом, захотела его вернуть. Так или иначе, она пригласила его в Адьюр, и он туда приехал.

В Англии люди, резко относившиеся к его поведению, были в ярости, а в лондонской ложе таких было немало. Мэри сама очень негодовала по поводу восстановления его в Обществе, а её влияние на многих членов ложи было очень сильным. У меня не было сильных чувств в поддержку противоположной стороны, но я не вполне разделял и её чувств. Однако, когда в Лондонской ложе дело дошло до голосования, оно оказалось единодушным в пользу выхода из Теософического Общества. Только один член откололся и остался вне собрания. Ложа не захотела само распускаться, но решила продолжить на независимой основе под новым названием.

Таким образом вышло, что в начале 1909 г. было основано Элевсинское Общество. Для меня это был мрачный период,

последовавший после смерти жены, но к дальнейшим событиям своей личной жизни я перейду, завершив некоторые из этих общих объяснений.

Вернусь теперь к тому, что я назвал ужасным развитием событий в моих отношениях с Мэри. Это произошло следующим образом. Элевсинское Общество просуществовало только год или два. Напряжение в Теософическом Обществе, связанное с Ледбитером, практически сошло на нет. Я смог открыть новый канал сообщения с Учителем (о котором более полно расскажу позже), и узнал, что он желал, чтобы я вернулся в Теософическое Общество. Он не ругал меня за создание Элевсинского. Напротив, он сам предложил мне это название. Но оно уже выполнило своё назначение. Сам я чувствовал, что было бы абсурдно оставаться в стороне от великого движения, начать которое в западном мире мне выпала честь. Обсудив дело с А. Безант в ходе её визита в Лондон в 1911 г., я обнаружил, что она тоже знала из своих источников, что Учителя хотели, чтобы я вернулся. Я так и поступил; я был восстановлен в своей первоначальной должности вице-президента и получил огромное количество трогательных зачастую писем от теософических лож и отдельных членов по всему миру, приветствовавших моё возвращение.

Но Мэри, чьё отвращение к Ледбитеру становилось со временем лишь сильнее и сильнее, и её муж сразу же вышли из Элевсинского Общества на том основании, что моё возвращение в Теософическое Общество ввело то общество в слишком тесную связь с ним. Она отправила мне послание, излагающее её взгляды на этот предмет, и хотела, чтобы я прочитал его на собрании, которое я считал необходимым созвать, чтобы объяснить своё возвращение в Теософическое Общество.

Я ответил ей, прося не настаивать на этом, так, как если бы я зачитал эту бумагу, я был бы обязан её прокомментировать и сказать вещи, которые я бы иначе оставил невысказанными, имея в виду, что я был бы вынужден открыто признать, что больше не считаю получаемые ею впечатления заслуживающими доверия. Похоже, она меня неверно поняла и вообразила, что я собираюсь вдаваться в подробности своих психических отношений с ней, — чего я и не думал делать, — и написала мне страшно гневное письмо. Несмотря на его буквальное содержание, со временем наше непонимание

отчасти сгладилось, но хотя мы согласились остаться друзьями, нам уже приходилось не касаться любых вопросов, связанных с оккультизмом.

Теперь я вернусь к описанию хода нашей с женой личной жизни, хотя после приведённого выше исчерпывающего рассказа мало что остаётся изложить такого, что было бы интересно для будущего читателя. Однако я суммирую факты, связанные с краткой карьерой нашего сына, Перси Эденсора Синнетта, что никоим образом не будет радостной историей. Хотя и будучи совершенно свободен от каких-либо пороков банального характера и обладая манерами, производящими благоприятное впечатление на знакомых, Денни, как его обычно называли, имел совершенно бесхребетный характер, в результате чего все наши попытки как-то устроить его в жизни оканчивались неудачей, причём обычно с утратой доверия. Примерно в 18 лет он был принят в качестве стажёра в очень важную и богатую торговую фирму в Сити. Если бы он там себя нормально зарекомендовал, то в конечном счёте успех был бы ему обеспечен. Но это был он — не смог работать, как все, и после короткого испытательного срока был уволен. Затем ему показалась привлекательной военно-медицинская служба, и в этом направлении были сделаны некоторые предварительные шаги. Потом, во время краткого периода кажущегося восстановления моих коммерческих дел, он по собственному желанию добился зачисления в милиционный полк, надеясь таким образом проложить себе путь в регулярную армию. Он прошёл дорогостоящую подготовку, но провалил экзамен. Затем разразилась англо-бурская война, и мы благодаря личным связям получили для него назначение без экзамена, и он отправился в Капскую колонию. Вместо того, чтобы отправить его на фронт, его оставили с подразделением, охранявшим заключённых, и там он попадал в самые разные передрыги, самой худшей из которых было то, что он влюбился в одну девушку, дочь местного врача, и женился на ней, не поставив нас заранее в известность. Конечно, у неё не было никаких личных средств, а Денни полностью зависел от нас, и когда период моего кажущегося финансового восстановления закончился по причине краха новых компаний Боттомли, трудность его положения обострилась.

Нет нужды, да и едва ли возможно проследить развитие его затруднений в подробностях. Дении потерял своё место в результате плохих рапортов со стороны вышестоящих офицеров и вернулся в Англию вместе с женой. Я дал ему то, чем располагал — обеспечил ему место в редакции газеты «Сан», которой тогда владел Боттомли, но это не было для него решением вопроса. Он отправился обратно в Кейптаун и попытался устроиться там, работая, как я думаю, более серьёзно, чем когда-либо ранее, но результаты были прискорбными, и он заболел быстро прогрессирующим туберкулёзом. Он быстро свыкся с идеей, что его жизнь близится к концу, но к сожалению, уже будучи на стадии сильного истощения, умирающим, ухитрился вернуться с женой в Англию. Увидеть его в таком состоянии было для моей жены страшным ударом, и в течение нескольких недель, пока он прожил с нами, она заболела раком, от которого и умерла в 1908 г. На тот момент, когда я это пишу, живы два мальчика, сыновья Денни, но его вдова снова вышла замуж, из чего опять последовало множество неприятностей, хотя вряд ли необходимо распространяться об этом здесь.

Теперь я возвращаюсь к замужеству Мэри, произошедшему в 1893 г., и последовавшему периоду, выбирая из дневника те эпизоды нашей жизни, которые произошли помимо тех более важных событий, о которых я подробно рассказал на нескольких предыдущих страницах. Но в последующие за тем годы произошло немного достойного упоминания, за исключением финансовых неприятностей, о которых я уже говорил. Мы часто ездили в Саутси для перемены обстановки без больших затрат, и там познакомились с семьёй Грегори Смита. Эти американцы очень интересовались моими сочинениями. На некоторое время я очень сблизился с его сыном и в 1897 г. ездил с ним в Берлин и другие места. В том же году, когда наши дела временно поправились, мы с женой, Грегори Смит, девушка, на которой он впоследствии женился, мистер Эбёри и наша старая подруга миссис Мардин совершили очень приятное путешествие по Швейцарии, где мы довольно надолго остановились в Шамуни.

В 1897 г., будучи в Лондоне, я постоянно выступал с лекциями на встречах Лондонской Ложи, а иногда и в других местах; теософическая работа занимала большую часть моего времени. Отпуск 1898 г. мы провели в Спа, куда нас сопровождала миссис Мардин.

Моей жене много неприятностей доставило заболевание, поразившее её ноги, и когда мы отправились в Спа, она была уже совсем инвалидом, но там ей стало лучше. В 1899 г. мы посетили уже женившегося Грегори Смита во Флоренции, где они поселились с женой, но она, я думаю, несколько ревновала к нашей дружбе, и после этого мы постепенно отдалились друг от друга. Этот визит во Флоренцию мы нанесли в начале года. Осенью я посетил Твидэйлов в их доме в Шотландии, в Болкьюхолли, где меня любезно принимали и позже два или три раза. V миссис Твидэйл был большой психический дар, и она была в контакте с Теософическим Обществом ещё со времён Блаватской, ещё нося фамилию Чемберз.

Едва ли стоит описывать события нескольких последующих лет в подробностях. Эти годы были в основном посвящены выступлениям с лекциями в Лондонской Ложе, и самыми яркими пятнами в них были наши осенние посещения Спа, где мы наслаждались безопасной игрой в рулетку на небольшие суммы и приятным утром в саду отеля. Финансы наши, однако были в очень неудовлетворительном состоянии, и я иногда поправлял дела непостоянными заработками в компании Кигэна Пола, а также у Боттомли, в связи с оказавшимся в конечном счёте неудачным бизнесом «Электрозон», а также зарабатывал тяжёлой работой для индийских газет.

В течение 1902 г. я много виделся с индийцем, называвшим себя Шейк Хабиб Ахмад. Он был очень увлечён теорией Звука и Числа, которую я тоже нашёл весьма примечательной. Здесь мне не нужно описывать эту теорию, потому что в конце концов я написал для Ахмада книгу «Тайны звука и числа» (Sheik Habeeb Ahmad «The Mysteries of Sound and Number»), и всякий желающий углубиться в этот вопрос может ознакомиться с этой книгой в Британском музее. Я не позволил, чтобы моё имя было связано с этой книгой, и она была опубликована от имени Ахмада. Но всё дело кончилось самым неудовлетворительным образом. Я одалживал Ахмаду большие суммы денег, никогда не получал ничего за мой писательский труд и по разным причинам разочаровался в Ахмаде, который через некоторое время исчез, оставшись мне должен около 80 фунтов. Помимо прочего он был пьяницей, и я слышал о нём неприятные истории. Но он несомненно обладал некоторыми любопытными фрагментами

окультных знаний, и теория, изложенная в книге, представляется мне достоверной, в той мере, в которой она там дана.

В ноябре 1902 г. Денни с женой вернулись в Южную Африку; его попытки устроиться здесь оказались совершенно бесплодными, хотя и стоившими нам немало денег и нервов.

Рождество того года мы провели в Истборне, где остановились также миссис Кэмпбелл Прэд и «Нэнси» (мисс Харвард). С мисс Харвард я познакомился за много лет до того в Саутси, и она оказалась замечательно чувствительной к месмеризму. Мы оставались с ней в контакте и иногда виделись; когда она была в трансе, я слышал от неё кое-что о её несчастной рабской жизни в Риме. Наконец мы познакомили её с миссис Прэд, и они сразу очень подружились. Через Нэнси я вошёл в контакт с одним продвинувшимся челою великого адепта Иллариона и получил от него много интересной информации, хотя он несколько ввёл меня в заблуждение относительно шахты, якобы проходящей через Земной шар от Северного полюса. Я включил эту информацию в труды Лондонской Ложи, а позже — в новое издание моей книги «Рост души» («The Growth of the Soul»). Когда Северный Полюс был наконец открыт и там не обнаружилось никакого хода и даже земли, я оказался в большом замешательстве. Позже я узнал, что канал был эфирным, а не физическим, но ошибка была очень неприятной.

Когда миссис Прэд сблизилась с Нэнси, с которой они стали жить вместе почти с самого знакомства, она получила полную и подробную информацию о римской жизни Нэнси, в которой она звалась Нирия, и написала роман, опубликовав его под этим названием. Большая часть его рукописи была прочитана нам во время нашего рождественского визита в Истборн. История, рассказанная в романе, является рассказом о реальных событиях.

В течение 1903 г. я готовился к изданию ежемесячного журнала «Броуд व्यюз» («Широкие взгляды»). Капитал, недостаточный для широкой рекламы, был любезно собран по подписке друзьями, и, хотя я много и упорно работал, предприятие так и не окупилось. Расходы всегда превышали доходы, и, хотя я поддерживал выпуск журнала в течение трёх лет, он погиб, когда вложенные в него деньги закончились.

В июне 1905 г. мы переехали из Лейнстер Гарднз в более дешёвый и маленький дом, Вестборн Террэс роуд, 14. Мы смогли остаться на Лейнстер Гарднз столь долго лишь благодаря скидке, которую нам делал владелец дома, а в последние несколько лет она была значительно уменьшена. Я был вынужден почти за бесценок продать свои лабораторные приборы, поскольку новый дом не оставлял мне места для лаборатории, что было большим лишением. Не стоит описывать в подробностях небольшие события следующего года или двух. Мы продолжали проводить встречи Лондонской Ложи и в новом доме; друзья посещали их так же часто, как всегда, хотя там было гораздо менее удобно, чем на Лейнстер Гарднз. В августе 1905 г. я посетил чету Макрэев в их сельском доме Мионсток в Хэмпшире. Напряжённость с деньгами всё это время была очень мучительной.

Некоторое время я посещал спиритические сеансы у сэра Альфреда Тёрнера. Это там я впервые вступил в контакт с Рэйнолдсом, существом из потустороннего мира, с которым мы с тех пор сблизились ещё больше. Я понял, что оказался ему полезен на астральном плане, хотя подробности стали мне известны только позже. Всё касающееся этого вопроса и последовавших важных событий следует рассказать отдельно от личных событий тех нескольких лет, пока жена была ещё со мной.

Летопись эта не очень радостная. Здоровье жены было весьма шатким, а новости из Южной Африки всё более мрачными. У Денни явно был туберкулёз, и он постоянно просил денег несмотря на то, что я был не в состоянии их дать. Ситуация с теософией была тоже неприятной и напряжённой. Высшей точки наши неприятности достигли с возвращением Денни, его жены и миссис Хартли (матери Гвен). В апреле 1908 г. я встретил их в Доках и обнаружил, что Денни было уже не узнать — настолько он был истощён. Для них было снято жильё на Нор Лэнд Сквэр, и во второй половине дня моя жена их там посетила. Вернувшись домой, я нашёл её в отчаянии, плачущей от горя и полностью раздавленной. Мы уже свыклись с мыслью, что жизнь Денни близится к концу, и останься он в Африке, сообщение о его смерти хотя и было бы для его матери потрясением, но несравнимо меньшим, чем тот шок, который она пережила, увидев то состояние, в котором он прибыл в Англию. После нескольких несчастных недель, в течение которых моя жена постоянно была с ним, в результате чего её собственное здоровье серьёзно пострадало, он умер 11 мая.

Вскоре после того мы пришли к определённому заключению, что моя жена больна раком. Возник вопрос, должна ли она оперироваться, но она решительно отказалась, не боясь смерти, но будучи убеждена на примере других случаев, о которых она слышала, что одна операция будет просто прелюдией к ряду других и лишь на некоторое время продлит жизнь в безрадостных условиях. Кроме того, мы надеялись, что моё месмерическое лечение сможет победить это расстройство. За несколько лет до того она заметила небольшую опухоль на одной груди, и врач сказал, что она, возможно, раковая. Он сказал, что всякий специалист порекомендовал бы немедленную операцию. В то время я был в очень хорошей форме как месмеризатор, и мы решили подождать неделю и посмотреть, что у меня получится. К концу этого

срока мы заметили, что злокачественное образование перестало расти. Я продолжил, и наконец, угрожающие симптомы исчезли. Но теперь, после смерти Денни, когда обнаружился новый рост опухоли (не в прежнем месте, а на другой стороне), ситуация оказалась более серьёзной. Во время бедственного периода болезни Денни на её развитие не обратили внимания, а когда о ней я узнал, оказалось, что оно зашло так далеко, что уже не могло быть остановлено таким влиянием, какое я был в силах оказать.

Развитие этой ужасной болезни было медленным. Летом мы отправились в Кромер, в надежде, что тамошний воздух окажется благотворным; тогда болезнь ещё не была давящей, поскольку боли ещё не начались и мы были в состоянии в какой-то мере получать удовольствие от перемены обстановки. Затем мы отважились на последний визит в Спа, но жене вместо улучшения стало хуже, и началась боль. Помню одну ужасную ночь, когда в первый раз она стала по-настоящему жестокой и я ничего не мог сделать, чтобы её ослабить. На следующий день я позвал местного врача, чтобы сделать инъекцию морфия, но жена даже не могла выйти из комнаты, чтобы одеться, и возвращение её домой стало ужасной проблемой. Неожиданно решение пришло следующим образом: она стала чувствительной к моему месмеризму (несомненно, мне помогли), причём в такой степени, что это превосходило все мои прежние опыты. Я смог ввести её в полный транс и нашёл её восприимчивой к внушению. Таким образом на следующее утро нам удалось осуществить отъезд. Мне удалось убедить её, что она будет в состоянии одеться, выйти и сесть на поезд без возвращения боли. Внушение сработало, и мы смогли отправиться с удивительной лёгкостью. Я боялся перегрузки в своих влияниях, а потому ограничил внушение лишь преодолением главной трудности — одеться и сесть на поезд. Потому в течение путешествия боль в некоторой степени возвращалась, но мы запаслись препаратом морфия и ухитрились кое-как добраться домой, хотя переход от Антверпена в Харвич из-за волнения на море был неприятным и очень изнурительным для неё, так как она не могла спать.

Остальное является просто продолжением только что сказанного. Некоторое время у нас были слабые надежды, связанные с препаратом из ольховой коры, но положение непрерывно ухудшалось. Сначала

пришлось нанять одну сиделку, и в конце концов — двух. Друзья очень сочувствовали, но ничего уже нельзя было сделать, кроме как ждать конца, делая каждую ночь инъекции морфия, а также применяя месмеризм.

Моей жене удавалось продолжать вести дневник до 11 сентября, включая тяжёлый период в Спа, и до того времени она была способна вставать с постели и спускаться в гостиную, но запись от 11 сентября была последней. Затем ей пришлось уже оставаться в постели. С ухудшением ситуации она всё реже могла применять свои природные способности. Это было для меня ужасно горестным временем. Она ускользнула из страдающего тела (умерла, как сказали бы обычным языком) в полночь 9 ноября.

Я сам был в состоянии нервного истощения и не обращал внимания на мирские подробности. Я отправился в Болкухолли (шотландский дом Твидэйлов), в надежде, что психические способности миссис Твидэйл помогут мне узнать какие-то новости о положении моей жены на том свете. Они с мужем были очень добры и сочувствовали мне, но она оказалась совершенно не в состоянии что-либо для меня узнать. Я тем временем снял комнаты на Джермин стрит 59, а вернувшись в Лондон 3 декабря, поселился в своей тамошней квартире.

Сейчас, через три с половиной года после этих событий, я могу сравнительно спокойно оглянуться на них и их описать, потому что теперь всё знаю о великолепных условиях возвышенного существования, в которое перешла моя жена; я много и часто беседовал с ней, и заключительная часть этого рассказа будет посвящена объяснению того, как это стало возможно. Но сначала я резюмирую события последних нескольких лет, произошедшие на физическом плане, хотя они в некоторой мере связаны и с оккультными явлениями.

Во время существования журнала «Брод вьюз» я написал и опубликовал там рассказ, касающийся явления двойной личности под названием «Менявшийся постепенно». Примерно в то же время я сделал из этого сценарий для спектакля, но затем потеря моей жены заслонила собой все подобные идеи, и долгое время я и не думал о постановке. Тем временем я встретил у миссис Мардин мисс Мауд Хаффман, американскую актрису, которая хотела со мной

познакомиться по причине своего глубокого интереса к теософии. Это знакомство скоро переросло в очень сердечную и искреннюю дружбу, и однажды, будучи с ней, я вспомнил о своей пьесе и попросил мисс Хаффман её прочитать. Она сделала много важных предложений, происходящих из её превосходного знания сценического искусства, и в результате мы вместе занялись переделкой пьесы. Наконец она была поставлена в Роял-корт театре театральным обществом «Актёры спектакля» и имела явный успех. После долгих усилий мы заинтересовали профессионального продюсера Артура Харди, и под его патронажем (однако за счёт синдиката, большая доля в котором была моя, куда вложились несколько моих друзей) пьеса была поставлена с первоклассной труппой (но к сожалению, опять в том же театре) 16 сентября 1911 года. Газетная критика была необычайно благоприятной, но место и время были выбраны плохо. И хотя газетная аудитория была в восторге, финансовые результаты были катастрофическими. Учитывая 40 фунтов, вложенных мною в первое исполнение «Актёрами спектакля», я потерял на этом предприятии 700 фунтов, а мои друзья все вместе ещё столько же, если не больше.

Затем пьесу ждал полный провал, и мои вложения в неё обернулись полной потерей. Аналогичными результатами сопровождались и все мои усилия сделать деньги, вкладываясь в коммерческие предприятия.

В то время я надеялся, что эти потери, очень значительные в сравнении с моими средствами, будут компенсированы успехом «Интернэшнл фойл компани», запущенной моим другом м-ром Филдингом для создания новой технологии проката алюминиевой фольги. Я вложил в это предприятие некоторую сумму, и Филдинг передал мне значительное количество акции этой компании (и других, с ней связанных, которые постепенно создавались). Я стал директором и в конце концов председателем совета директоров этой компании, по отношению к которой производящие являлись дочерними. Покамест на пути к её успеху стоят столько трудностей и уже было столько разочарований, так что, когда я пишу это, будущее её представляется несколько неясным.

* * *

Читая этот рассказ в 1914 г., мне показалось уместным объяснить, откуда же у меня взялось столько денег, чтобы их потерять.

Часть денег достались моей жене от своей матери, миссис Эденсор, которая разделила свою собственность, предчувствуя скорую смерть. Моя жена была чрезвычайно экономна и смогла сберечь немного, и эта сумма перешла в мои руки после её смерти. Однако мебель нашего дома пришлось продать, и на эти умеренные средства я дальше вёл свою одинокую жизнь.

* * *

Приблизительно во время моего возвращения в Теософическое Общество в 1911 г. у миссис Безант возникла идея построить значительное здание штаб-квартиры для Британской секции Общества. С обычной для неё энергией она принялась продвигать эту идею; обеспечила права на участок, прилегающий к Тэвисток Сквэр и собрала деньги. Это здание, проект которого создал мистер Латьенс, должно было стоить 50000 фунтов.

За три месяца, прошедших с выдвижения этого плана до отъезда Безант из Лондона обратно в Индию ей удалось собрать (наличными или в виде обязательств) не менее 24000 фунтов. Первый камень будущего здания был со всеми масонскими церемониями заложен ею 3 сентября 1911 г.

Теперь я могу перейти к новой фазе своего оккультного опыта, которая ещё продолжается, когда я это пишу. Она началась в связи с сообщениями, которые я получил от Рэйнолдса на сеансах сэра Альфреда Тёрнера. Рэйнолдс пользовался всякой возможностью связаться со мной, и случай показал мне, что мой ясновидящий друг Роберт Кинг мог связываться с Рэйнолдсом и вне сеансов Тёрнера. Я счёл, что мне стоит оказать ему любезность и предоставить больше возможностей говорить со мной, чем предоставляли сеансы Тёрнера. Так что я пригласил м-ра Кинга к себе на ряд сеансов, которые могли предоставить Рэйнолдсу возможности, которые он, по-видимому, искал.

Эти усилия были очень богато вознаграждены. Мои сеансы с Кингом начались 31 октября 1909 г. Я обнаружил, что Рэйнолдс определённо связан с Учителями Белой Ложи, в особенности с Илларионом. Наши беседы начались с моих вопросов, касавшихся условий жизни на астральном плане, а также разных научных проблем. Одним из вопросов, которые мог разъяснить Рэйнолдс, было влияние

комет на астральном плане. Однажды ноябрьским вечером м-р Кинг услышал новый голос, заявивший, что он — астроном Лаплас; этот голос сообщил мне кое-какую информацию о Марсе, его людях и каналах. До того времени Кинг не входил в транс, а просто повторял мне то, что он слышит.

Далее в наших сеансах был долгий перерыв, длившийся со 2 декабря 1909 г. до 19 октября 1910 г., но позже, когда мы проводили вечер с Кингом, он, не ожидая никаких сообщений от Рэйнолдса, увидел фигуру в белом одеянии, пролетевшую мимо меня, и услышал от неё имя Дамодар и ещё несколько слов, которые расслышал с трудом. Дамодар (когда я впервые встретил его во время первого приезда Блаватской в Аллахабад) был молодым индийцем, приставленным к ней в качестве секретаря или кого-то в этом роде. Позже он отправился с ней и Олькоттом в Адьяр, когда там была учреждена штаб-квартира Теософического Общества, а гораздо позже ему было позволено отправиться в физическом теле в Тибет и присоединиться к домашнему окружению Учителя К.Х. Те из нашей старой Лондонской ложи, кто мог помнить свой астральный опыт, часто видели его, когда, как часто случалось, нас собирали в доме Учителя. В тот же вечер, который был отмечен первым появлением Дамодара, меня посетили Е.П.Б. и Джадж.

27 октября Кинг снова обедал со мной и после этого пересказал слова Дамодара и Блаватской, давших мне подробный отчёт о том, что произошло в Адьяре в связи со смертью Олькотта. Он в некоторых отношениях отличался от истории, рассказанной мне тогда в письме миссис Руссак, но подтвердил основную мысль, что в этих событиях приняли участие Учителя М. и К.Х.

10 ноября я получил краткое сообщение от своей жены — первое из многих, последовавших позже. При этом сознание Кинга, хотя он не был в транс, возносилось в дом Учителя К.Х., и он испытывал необычайный подъём от ощущений, которыми это сопровождалось.

1 декабря Учитель К.Х. в первый раз говорил со мной из своего дома, а Кинг повторял сказанное им. Он обещал произвести осенние Кинга и в другой раз говорить через него. Он сделал это 15 декабря. Кинг был полностью погружён в транс, и его сознание отправилось в дом Учителя. Я не пытаюсь здесь давать сами сообщения, посланные мне, а лишь объясняю, как постепенно установились обстоятельства,

имеющие место сейчас. Теперь, когда я пишу это в июне 1912 г., я лишь могу сказать, что эти условия ещё сохраняются. Кинг безо всяких усилий входит в состояние транса, и те, кому позволено прийти, говорят со мною его голосом совершенно свободно. Он был категорически предупреждён, что никогда не должен позволять такой контроль над собой кроме тех сеансов, которые он проводит со мной, и высоко ценит участие в нашем с ним предприятии. Учителя ему неоднократно рекомендовали поддерживать тело в таком состоянии, в котором его можно для этого использовать.

Так что на сегодня я могу считать свой биографический очерк оконченным. В нескольких рукописных книгах я собрал тщательно записанные разговоры, которые я вёл и продолжаю вести с выдающимися представителями Белой Ложи, с моим собственным чтимым руководителем К.Х., а также с Морией, Иларионом, Графом [Сен-Мерменом] и другими. Их суть я изложу позже, или же они будут оставлены моим попечителям, которым будут в конце концов доверены эти записи. Возможно, со временем мне представится случай добавить что-то к этому рассказу, но во всяком случае пока что его можно считать завершённым.

(Подписано) А.П. Синнетт,
3 июня 1912 г.

ПОЗДНЕЙШИЕ ЗАПИСИ

Когда четыре года назад я довёл этот рассказ до условного завершения, достигнув тогда возраста 72 лет, мне было бы уже неплохо сделать все приготовления для перехода к другому виду жизни. Но Учителя Белой Ложи посчитали, что у меня есть ещё работа на этом плане, так что сейчас, в возрасте 76 лет, я нахожу себя в таком же состоянии физического здоровья и умственных сил, в каком был в последние 30 или 40 лет. Тут стоит вставить слово или два, чтобы объяснить это положение вещей. Я никогда не был серьёзно болен — должно быть, я родился с необычайно крепким организмом. И я склонен считать, что по причине моей преданности теософической работе в меня вливались необычные влияния для поддержания моих физических сил. Возможно, когда высшая мудрость решит, что моя работа исполнена, отвод этих влияний может привести к быстрому

упадку оставшихся во мне жизненных сил и переходу (который я буду лишь искренне приветствовать) в сверх физические царства.

Сейчас, когда я это пишу, мы всё ещё среди великой войны, которой суждено изменить весь ход человеческой истории. Мне было позволено предсказать её приход ещё в 1911 г. Мои контакты с Белой Ложей через Роберта Кинга не прерывались с тех пор, как я последний раз о них писал, и до сих пор поддерживаются. В тот год я прочитал лекцию в Элевсинском Обществе, тогда существовавшем, которая произвела тогда на слушателей глубокое впечатление. Тогда не было сохранено полной стенограммы, но в «Вахане» за октябрь 1914 г. я опубликовал следующее заявление:

«Мои близкие друзья-теософы давно уже в курсе обстоятельств, позволивших мне предсказать идущую сейчас войну ещё в начале 1911 года. В марте того года я выступил перед большой аудиторией в помещении Азиатского Общества на Олбмарл стрит с лекцией, в которой изложил информацию, полученную мною за месяц до того. Во время её получения (в январе 1911 г.) я сделал заметки, оказавшиеся интересными для тех, кому я их недавно прочитал, так что мне кажется желательным дать им более широкую огласку. Потому теперь я копирую эту информацию в точности так, как я получил её в то время.

На низшем астральном плане сгущается сила, которая не может не вызвать ужасных последствий на физическом плане, когда прорвётся туда. Учителя пытаются смягчить эти последствия. Нынешний германский план состоит не в том, чтобы аннексировать Голландию, а, чтобы напасть на Бельгию. В конечном счёте это должна быть всеобщая война, в которой Германия с Австрией и Турцией будет противостоять Великобритании, Франции и Италии.

Центром германской враждебности стал кайзер. Он имел некоторое уважение к своим английским родственникам, но был страшным врагом расы. Над ним работал Бисмарк, хотя кайзер этого не признавал. В некоторых его речах было прямое элементарное влияние. Его второй сын (не первый, который был слаб, а моряк) был того же темперамента, что и отец. Те же элементарные силы действовали через обоих. План, который вынашивал кайзер — прямое нападение на Англию и покорение её. Он хотел не контрибуций, а желал стать королём Британской Империи.

Было предрешиено, что исход великой войны будет в пользу союзников и они в конце концов разгромят немцев. Для немецкого народа это будет ужасно. В завершение произойдёт большая перекройка европейской территории. Война может быть в 1913 году, но дипломатические осложнения начнутся гораздо скорее».

Как мне было сказано, Белая Ложа прилагает серьёзные усилия, чтобы отворотить катастрофу, но на полный успех осталось мало надежд. Плохая национальная карма, унаследованная с периода упадка Римской Империи, предоставила тёмным силам опорный пункт для своей зловредной деятельности. Бисмарк, на астральном плане ещё более могущественный, чем он когда-либо был при жизни, одержал германского кайзера. И последнего заставили поверить, что воля Бога в том, что немцы должны господствовать над всей Западной Европой. Мне позволили получить ясное видение его умонастроения. Ему «показали» конец войны — «триумф Германии». Тёмные силы, инструментом которых он стал, таким образом подбодряли его, чтобы он не оставлял усилий по его достижению. Он полностью отметал идею, что Англия может как-то вмешаться, и считал, что, когда наступит кризис, мы разорвём союз с Францией.

Тем не менее, куда более достойный доверия информатор, предвидевший неизбежность войны, заверил меня, что в конце концов наша страна и Франция достигнут успеха и станут победителями.

В феврале 1911 г. я получил дальнейшую информацию. Мои записи говорят следующее:

«Американцы предчувствовали войну, но хотели бы сохранить нейтралитет. Война должна была быть ограничена Европой, которая будет вовлечена вся. Некоторые трудности возникнут в Индии, но они будут безопасно урегулированы. Германия в некоторой степени надеялась на нашу неспособность вывести войска из Индии, но она ошибается. Чтобы высвободить европейские войска из Индии, будут предприняты оккультные шаги. Их там больше, чем необходимо. Силы, которые могли бы привести к дестабилизации, будут сдержаны».

Мне опять сказали, что война разразится в 1913г. и будет «недолгой, но ожесточённой и ужасной». У меня нет определённых записей, касающихся продолжительности войны, но по моим

воспоминаниям, мне было сказано, что она будет окончена в 18 месяцев. Но в программу неотложных событий, как это значилось в 1911 г., входило успешное вторжение немцев в нашу страну, которые в конечном счёте были бы вынуждены отступить из-за полного разгрома на континенте. Однако Балканская война отодвинула некоторые из таинственных сил, готовивших катастрофу, и Белая Ложа, будучи не в силах полностью отвлечь катастрофу, во всяком случае смогла её отсрочить. Таким образом, выигранным временем удалось прекрасно воспользоваться для укрепления наших военно-морских сил, и мне было сказано, что к апрелю 1917 г. опасность вторжения в Англию практически исчезнет. Это утешительное убеждение было повторено и в следующий месяц и (будет только честно это добавить) была отмечена роль Уинстона Черчилля в стимулировании эффективности флота.

В течение этого года время от времени я слышал о разных попытках спровоцировать беспорядки в Европе, которые были сорваны Белой Ложей, и я постоянно ждал новостей, не происходит ли чего в Ирландии, где незадолго до начала великой войны, похоже, шли приготовления, предвещавшие серьёзную беду. Но мне всегда говорили не беспокоиться об Ирландии — ничего, напоминающего гражданскую войну, ей не грозило. События подтвердили это отрицательное пророчество, равно как и более знаменательное предсказание, касающееся самой великой войны, идущей сейчас, страшные последствия которой на низших астральных [под]планах, непосредственно окружающих физическую Землю, превышают по своему ужасу возможности всякого обычного воображения.

У меня есть одна краткая заметка, касающаяся перспектив этой войны, записанная в начале апреля 1913 года: «Германия сдерживается, зная о полной готовности сил Антанты. Если война начнётся, мы должны будем послать во Францию 200000 человек для действий на левом фланге».

А.П. Синнетт.

* * *

Когда война на самом деле началась, мне было позволено намного больше узнать о мощном сатанинском вторжении, которому она была обязана своим происхождением, и позже — рассказать это, что я и

сделал в журнале «Nineteenth Century» за октябрь и ноябрь 1915 г. Мне нет нужды повторять здесь это объяснение — эти статьи всегда будут доступны. Мне было интересно услышать, что они очень рассердили тёмные силы, которые давно бы меня изничтожили, не пользуясь я защитой Белой Ложи.

В последние четыре года моё время было почти полностью занято теософической работой — я писал, выступал с лекциями и проводил собрания возрождённой Лондонской Ложи. Я продолжал жить на Джермин стрит до июля прошлого (1915) года, после чего переехал (как я считаю, под влиянием свыше) на Тэвисток Сквэр 38, где я сейчас пишу в комнатах, которые некогда занимал один из Учителей, когда жил в Лондоне. В 1887 г. (год юбилея королевы Виктории) в этой комнате прошло совещание Учителей (их присутствовало десять) и были предприняты определённые шаги для конечного сближения и союза во взаимной симпатии между отдалёнными доминионами Британской Империи.

Здесь можно записать информацию о связанном с этим интересном положении вещей, ещё не ставшую сейчас, когда я пишу это, общепринятой у изучающих теософию. До конца прошлого века народ Соединённых Штатов Америки отмечался как тот, из которого разовьётся шестая под раса нынешней пятой коренной расы. Однако этот народ слишком глубоко погрузился в материальную цивилизацию, чтобы быть в состоянии исполнить такое предназначение. В конце концов для новой под расы была выбрана молодая раса славян, но ещё много пройдёт времени, когда она достаточно, так сказать, подрастёт, чтобы реализовать свой потенциал. До того роль временной шестой под расы будут играть британцы.

А.П. Синнетт,
Май 1916 г.

* * *

2 января 1920 г.

Р. S. Через четыре года после даты моей последней записи, обнаруживая себя всё ещё в физическом воплощении (2 января 1920 г.), мне представляется желательным добавить к истории своей жизни некоторые заметки, касающиеся условий, в которых я провёл эти четыре года. Но подробный рассказ об этом просто содержал бы

записи продолжавшейся теософической работы, лекций и писательского труда, хотя к концу этого периода меня приятно удивила тёплая волна признательности за мою теософическую работу, которой я по своему прежнему опыту вовсе не ожидал.

Прежде чем перейти к этой очень приятной теме, можно записать одно интересное событие, случившееся несколько раньше. 3 ноября 1916 года я серьёзно заболел — у меня случился приступ плеврита. Мне пришлось позвать врача, который настоял на постельном режиме и необходимости сиделки. Он считал моё положение очень серьёзным, и позже я узнал, что он даже пытался выяснить, кто является моим ближайшим родственником, хотя я даже и не думал, что моей жизни что-то угрожает. День или два я страдал от боли, но в целом недолгое заключение в моих комнатах оказалось для меня довольно приятным, поскольку вокруг меня в значительных количествах собирались друзья. Поначалу доктор хотел для меня «покоя» и ограничить посещения, но я не смог вытерпеть такого режима, и друзья толпились вокруг меня каждый день. В один день был достигнут рекорд, когда, к изумлению моей сиделки, к вечеру у меня собралось 11 посетителей.

8 ноября мне уже было достаточно хорошо, чтобы я смог провести сеанс с Робертом Кингом, где мне было очень чётко указано на две недели покинуть Лондон, но до отъезда не покидать своей квартиры. У меня было приглашение от сэра Харри Гриффина, остановившегося тогда в гостинице в Танбридж Вэлс, и 10 числа я отправился к нему и не возвращался до 29-го.

Потом я узнал эзотерическое объяснение своей болезни. Ночью вне тела я работал с Графом в России. В связи с этой работой по какой-то причине я был материализован физически, и в этом состоянии какими-то врагами из тёмных был успешно обрызган вредоносным влиянием, которым они свободно пользуются, и которое мы называли «пастой Нептунион», поскольку она готовилась с использованием некоторых влияний, принесённых с планеты Нептун. Поскольку, когда это произошло, я был материализован, произошла отдача на моё физическое тело, что вызвало описанную мною болезнь. В течение двух недель, проведённых за городом, я был вылечен на высших планах таким образом, чтобы сделать меня неуязвимым для повторных подобных нападений.

В июне 1918 г. я очень приятно провёл время, отправившись в Эдинбург, чтобы председательствовать на съезде Шотландской секции Т.О. М-р Эллингсен устроил всё для комфорта моего путешествия на север, а в Эдинбурге меня очень гостеприимно приняли мистер и миссис Ингрэм. Поездка была во всех отношениях очень успешной, и лекции, и собрания, проведённые мною, получили очень тёплый приём. Я вернулся в Лондон опять под попечением м-ра Эллингсена, и кстати могу добавить, что с тех пор сердечные дружеские отношения с ним доставляют мне огромное удовольствие.

В августе 1918 я провёл очень приятные две недели с миссис Вийк в Ситоне, Девоншир, и, возвращаясь обратно кружным путём, посетил теософические ложи в Икзетере, Челтенхэме и Борнмуте, в последнем месте остановившись на несколько дней с мистером и миссис Макрэ, чья симпатия и дружба и до, и после поездки туда доставляла мне огромное удовольствие.

В марте я отправился в лекционное турне по центру страны — в Лидс, Харрогэйт и Брэдфорд; для моего удобства все приготовления были сделаны м-ром Бестом из Лидса. От этой поездки у меня осталось много приятных впечатлений.

К этому времени я много узнал о произошедшем на более высоких планах в последние 10 лет. В действительности, моя жена, [действуя] со своей точки зрения на высших планах, сама избрала тот полный горя и болезненный способ ухода из физической жизни. И это было сделано вовсе не из соображений очистки от плохой кармы. У неё не было такой кармы. Она могла бы уйти легко, если бы не сделала этот выбор. Но ей нужно было прийти к пониманию возвышенной красоты самопожертвования ради всего человечества в целом. Полное освещение этой идеи в терминах, доступных для понимания на физическом плане, вряд ли возможно. Продвинувшиеся в изучении оккультизма отчасти её поймут по причине смутного знания о том, что Учителя Божественной Иерархии «несут карму мира». Так или иначе, своей жертвой моя жена, как выяснилось, создала условия, обеспечивающие ей чудесный подъём после ухода.

И если бы моей обычной карме было позволено действовать, я должен был уйти через несколько месяцев после жены, но ввиду сделанного ею, высшей мудростью мне было предложено принести жертву, сопоставимую с её жертвой, если я не согласен стать, так

сказать, отстающим по отношению к ней. Так оно и было устроено, несомненно, с моего полного согласия на высших планах, что я должен выдержать утомительное долгое пребывание в физической жизни и посвятить эти годы работе для теософии. Потому были приняты меры к сохранению моей физической жизнеспособности, чтобы в течение десяти (а теперь уже одиннадцати) лет с момента ухода жены я не претерпевал никаких физических изменений — ни во внешнем виде, ни в способностях, будь то телесных или умственных. Так что в возрасте 80 лет, когда я пишу это, я чувствую себя как в 60 или даже моложе. Естественно, я полагаю, что вряд ли впереди у меня много лет, или хоть сколько-нибудь, до перехода в более возвышенные условия, но во всяком случае передо мной важная литературная задача, и я хочу выразить благодарность за тот недавний подъём признательности, о котором я уже упоминал.

Это началось с движения, запущенного несколькими моими самыми близкими друзьями-теософами — Моуд Хаффман, миссис Рассел и полковником Джонсоном, сыгравшим самую видную роль, чтобы публично выразить мне благодарность, принявшую форму денег, в которых я определённо нуждался. Хотя их сбор проводился главным образом в Лондонской Ложе, кампания вышла за её пределы, и почти до самой кульминации это предприятие было проведено так, что я о нём ничего не знал. Мне сказали об этом лишь незадолго до того, как преподнесли собранную сумму. Это произошло 5 апреля 1919 г. в доме мисс Хаффман на Харлей стрит, 146, где м-р Бэйлли Вивер, принявший значительное участие в предприятии, произнёс объяснительную речь и преподнёс мне чек на 510 фунтов стерлингов.

Собралось множество моих друзей-теософов, и, хотя сюрприз был весьма мудро раскрыт мне за несколько дней, я не могу преувеличить того, насколько я был тронут и обрадован этой демонстрацией признательности. Сейчас я узнал, что идёт намного более широкая аналогичная кампания, движимая добрыми чувствами ко мне во всех частях и национальных секциях всемирного Теософического Общества. Может быть, я найду желательным сказать об этом больше, прежде чем эта рукопись будет закончена, но я уже глубоко тронут щедрыми импульсами, вдохновившими уже идущие подготовительные усилия.

Примечания

1

Здесь пропущено несколько страниц из этих дневников. В остальном текст печатается без сокращений. — *Прим. ред. «Вестника теософии».*

2

То, что подаётся ещё до завтрака, обычно чай с печеньем. — *Прим. пер.*

3

Очень неудобная повозка; её описание Блаватская даёт в книге «Дурбар в Лахоре». — *Прим. пер.*

4

Блаватская в письме Ледбитеру от 23 июня 1886 г. объясняет, что настоящий Дарбагири Натх, ученик, одно время пользовался телом другого человека, Боваджи, находившегося тогда на испытании, но провалившегося. Сама она тогда не могла объяснить это, т.к. была связана обетом молчания. Письмо было опубликовано только в середине XX века. — *Прим. пер.*

5

Было несколько изданий этой книги; последние дополнены. — *Прим. пер.*

6

Дополнительные подробности этой встречи можно найти в книге Ледбитера «Как ко мне пришла теософия». — *Прим. пер.*

7

Он уехал вслед за ними и нагнал их в Египте, как он описывает в своей книге «Как ко мне пришла теософия». Книга вышла в 1930 г., и потому Синнетт не мог быть знаком с описанными там подробностями. — *Прим. пер.*

8

«Hansard's Parliamentary Debates», официальный парламентский бюллетень, названный по имени его первого издателя Хэнсарда. — *Прим. пер.*

9

См. также статью Синнетта «Эзотерическое учение» в № 4 «Вестника теософии». — *Прим. пер.*